

FORGOTTEN REALMS

Нашествие Тьмы



Роберт Сальваторе

Роберт Сальваторе
Осада Тьмы
Серия «Забывтые королевства:
Наследие темного эльфа», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126138

Аннотация

По наущению Ллос Паучьей Королевы полчища темных эльфов-дроу движутся к Мифрил Халлу. Отстоять владения дворфов Бренору Боевому Топору, Восьмому Королю Мифрил Халла, помогают его приемная дочь Кэтти-бри, дроу-отступник Дзирт До'Урден со своей волшебной подругой пантерой Гвенвивар и хафлинг Реджис.

Враги сильны, их поддерживают ужасные создания Бездны, но и дворфы не одиноки – у них есть верные друзья и неожиданные союзники, вовремя приходящие на помощь.

Содержание

| | |
|-----------------------------------|-----|
| Пролог | 4 |
| Часть I | 14 |
| Глава 1 | 17 |
| Глава 2 | 40 |
| Глава 3 | 57 |
| Глава 4 | 63 |
| Глава 5 | 75 |
| Часть II | 101 |
| Глава 6 | 104 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 114 |

Роберт А. Сальваторе

Осада Тьмы

Пролог

Средь испарений и клокочущей грязной жижи Бездны женщина-дроу казалась существом из другого мира. Она была удивительно красива, с нежными и правильными чертами лица, а блестящая эбеновая кожа придавала ей сходство с ожившей статуей, с фигурой из обсидиана, в которую вдохнули жизнь.

Все чудовищные порождения тьмы, от ползучих слизняков до громадных существ с крыльями летучей мыши, неотступно следили за каждым ее движением, но издали. Даже самые большие и сильные из них, гигантские демоны, способные снести с лица земли целый город, держались на расстоянии, зная, какой обманчивой может быть внешность. Несмотря на то, что эта красивая женщина по сравнению с вселяющими ужас тварями Бездны казалась такой изящной, даже хрупкой, она с легкостью могла уничтожить не только любого из демонов, не сводивших сейчас с нее глаз, но и полсотни чудовищ одновременно.

Они это знали, поэтому женщина беспрепятственно продолжала свой путь. Ибо она была Ллос, Паучьей Королевой,

богиней дроу – темных эльфов. Она была воплощением хаоса, орудием разрушения, чудовищем в ангельском обличье.

На крошечных островках посреди темной пузырившейся грязи тесно росли громадные толстые грибы. Ллос беззаботно переходила от островка к островку, ступая так легко, что хлюпающая жижа даже не оставляла следов на подошвах ее изящных черных сандалий. Она находила спящих в грибных рощах сильнейших обитателей этого уровня, даже демонов танар'ри, и грубо расталкивала их. Разозленные монстры просыпались, рыча и обещая вечные мучения тому, кто им помешал, но, проснувшись и увидев Ллос, с облегчением узнавали, что ей нужен всего лишь простой ответ на единственный вопрос.

– Где он? – всякий раз спрашивала она, и, хотя никто из тварей точно не знал, где сейчас находится великий демон, их ответы вели Ллос все дальше и дальше, пока наконец она не нашла того, кого искала: огромного танар'ри с собачьей мордой, бычьими рогами и гигантскими кожистыми крыльями, сложенными за спиной. Изнемогая от скуки, он сидел на подобии трона, вырезанном из гигантского гриба, подперев ладонью уродливую голову. Грязными кривыми когтями он время от времени скреб мертвецки бледную щеку. В другой руке он держал многохвостую плеть и лениво стегал ею несчастную тварь, значительно уступавшую ему в силе, которую он избрал объектом издевательств на данный отрезок вечности.

Малый демон, съезжившись возле трона, жалобно вскрикивал и извивался, вызывая тем самым новый обжигающий удар плетью.

Сидящий монстр вдруг зарычал и резко поднял голову, всматриваясь красными глазами в клубящийся вокруг трона дым. Он почувствовал приближение кого-то могущественного.

И тут показалась Ллос! При виде страшного чудовища она даже не замедлила шаг.

Сперва на морде танар'ри появилась злобная усмешка, и он глухо заурчал, но потом задумался, рассматривая женщину и соображая, как этот аппетитный кусочек угодил в его логово. Сначала он подумал было, что она – неожиданный подарок, потерявшийся темный эльф, случайно попавший сюда с Материального уровня, но быстро разобрался, что к чему.

Он сел прямо. Потом с удивительными для своих размеров проворством и легкостью вскочил и навис над непрощенной гостьей всей своей двенадцатифутовой громадой.

– Сядь, Эррту, – нетерпеливо взмахнула рукой Ллос. – Я не собираюсь тебя убивать.

Надменный танар'ри снова зарычал, однако броситься на Ллос не посмел, потому что прекрасно понимал, что она легко может передумать. Лишь уязвленная гордость не дала ему сразу опуститься на сиденье.

– Сядь! – с яростью выкрикнула Ллос, и Эррту плюхнулся

на трон, даже не успев сообразить, что делает. С досады он схватился за плетъ и принялся хлестать валявшуюся в ногах хнычущую тварь.

– Зачем ты пришла сюда, дроу? – рявкнул демон, и его низкий голос сорвался на визг, напоминавший скрежет железа по стеклу.

– Ты слыхал о беспорядках в Пантеоне? – спросила Ллос.

Эррту надолго задумался. Конечно, он слышал о том, что боги Королевств борются за власть, ссорятся, ущемляя интересы друг друга, интригуют и используют низшие существа в качестве пешек в своих играх. И в Бездне даже существа, равные по могуществу Эррту, часто оказывались насильно втянутыми в сведение счетов между богами.

Именно это, как понимал и чего опасался демон, могло сейчас произойти с ним.

– Близится время всеобщего раздора, – пояснила Ллос. – Время, когда богам придется расплачиваться за собственную глупость.

Эррту хихикнул, издав ужасающий скрежещущий звук. Ллос бросила на него полный презрения взгляд горящих красных глаз.

– А почему же тебе это не нравится, Владычица Хаоса? – спросил демон.

– Потому, что это произойдет не по моей воле, – с убийственной серьезностью ответила Ллос. – Конечно, мне будет приятно видеть, как эти глупцы в Пантеоне давят друг дру-

га, растеряв остатки напускного достоинства. И все эти передраги коснутся любого божества, которому поклоняются верующие, если оно не будет осмотрительным.

– Ллос никогда не грешила осмотрительностью, – сухо заметил Эррту.

– Но Ллос никогда не была душой, – парировала Паучья Королева.

Эррту кивнул и некоторое время сидел неподвижно на своем грибном троне, размышляя над сказанным.

– А какое отношение все это имеет ко мне? – спросил он наконец. Демонам танар'ри никто не поклонялся, соответственно его силы не зависели от молитв верующих.

– Мензоберранзан, – только и сказала Ллос, назвав легендарный город дроу, где жило больше верующих в нее, чем во всех остальных частях Королевств.

Эррту вопросительно склонил свою уродливую голову.

– Город уже объят хаосом, – пояснила Ллос.

– Как и ожидалось, – вставил демон, хмыкнув. – Поскольку ты сама это устроила.

Ллос не стала отрицать.

– Но есть одна опасность, – продолжала прекрасная женщина-дроу. – Если я буду целиком занята беспорядками в Пантеоне, некому будет ответить на молитвы моих жриц.

– Мне, что ли, на них отвечать? – недоуменно спросил Эррту.

– Верующих нужно защитить.

– Не могу же я отправиться в Мензоберранзан! – громко зарычал Эррту и этими словами выразил свое долго сдерживаемое негодование. Мензоберранзан был городом в Подземье, гигантском лабиринте, скрытом под поверхностью солнечного мира. Невзирая на то что его отделяла от верхнего мира громадная толща сплошного камня, он все же являлся частью Материального уровня. Несколько лет назад Эррту оказался на этом уровне по зову одного не очень сильного мага и провел там какое-то время, разыскивая Креншинибон, хрустальный осколок, реликт магического искусства далекого времени, в котором заключена была колоссальная волшебная сила. Тогда осколок почти попал в лапы танар'ри! Демон уже проник в башню, сотворенную по образу и подобию волшебного кристалла, и занялся тогдашним владельцем камня, жалким человечком, который вот-вот умер бы, а демону досталось бы желанное сокровище. Но тут дорогу Эррту перешел темный эльф, отступник, предатель собственного народа и Паучьей Королевы, рожденный в Мензоберранзане, том самом городе, который Ллос хотела защитить!

Тогда Дриззт До'Урден победил его, и для танар'ри поражение на Материальном уровне обернулось бессрочной ссылкой в Бездну.

Вот почему сейчас Эррту затрясся от ярости, и Ллос даже отступила на шаг на случай, если чудище попытается напасть на нее, не дослушав до конца.

– Действительно, ты не можешь туда отправиться, зато твои прислужники могут, – согласилась она. – Я позабочусь, чтобы межуровневые врата были открыты, даже если – все мои жрицы должны будут неусыпно заботиться об этом.

Ее слова потонули в громогласном реве Эррту.

Ллос понимала, что его мучит. Самым большим наслаждением для демона было бы отправиться свободно блуждать по Материальному уровню и терзать слабые души и еще более слабые тела живых существ. Она понимала, но несколько не сочувствовала танар'ри. Злобная Ллос никогда ни к кому не испытывала сочувствия.

– Сама знаешь, я не могу тебе отказать! – нехотя признался Эррту, подозрительно прищулив громадные, выпученные, налитые кровью глаза.

Действительно, Ллос могла заручиться его помощью, даже просто пообещав оставить его в живых. Но Паучья Королева была более дальновидной. Если бы она просто заставила Эррту служить себе, а потом, как и ожидала, оказалась бы втянутой в надвигающуюся бурю, демон мог бы найти способ улизнуть из-под ее надзора и даже, что еще хуже, попытаться отомстить ей. Ллос была беспощадна и злонамеренна до самых глубин своей темной души, но при том умна и расчетлива. Для этой мухи она припасла сладкий мед.

– Я не угрожаю, – прямо сказала она. – Я предлагаю.

Эррту не перебивал, но видно было, что истосковавшийся и разгневанный демон все еще готов вот-вот сорваться.

– У меня есть для тебя подарок, – вкрадчиво продолжала Ллос. – Он поможет тебе положить конец ссылке, причиной которой стал Дриззт До'Урден.

Но танар'ри, похоже, не поверил ей.

– Никакой подарок и никакая магия не могут сократить срок изгнания, – пробурчал он. – Только тот, кто сослал меня, может расторгнуть договор.

Ллос согласно кивнула – даже богиня была бессильна против этого правила.

– Об этом-то я и толкую! – воскликнула она. – Мой дар заставит Дриззта До'Урдена самого искать встречи с тобой и снова вызвать тебя на свой уровень бытия.

Эррту, похоже, все еще не верил.

Тогда Ллос подняла руку и, крепко сжав кулак, вызвала целый сноп разноцветных искр, вслед за которыми загредел рокочущий раскат грома, потрясший чавкающую трясину; вечный сумрак угрюмой Бездны рассеялся.

Из дымки вышел пленник – жалкий, подавленный, с поникшей головой, ведь Ллос могла сломить гордость любого существа. Эррту не знал этого человека, но сразу сообразил, насколько ценен дар.

Ллос снова крепко сжала кулак, последовала новая вспышка и раскат грома, и ее пленник скрылся в пелене дыма.

Эррту подозрительно смотрел на Паучью Королеву. Предложение было очень и очень соблазнительным, хотя демон

знал, что тот, кто хоть однажды доверился дьявольски коварной Ллос, потом дорого платил за собственную глупость. Но Эррту был не в силах сопротивляться. На его собачьей морде появилась отвратительная злорадная ухмылка.

– Взгляни на Мензоберранзан, – сказала Ллос и взмахнула рукой в сторону толстенной ножки ближайшего гриба. Его волокна стали стеклянистыми, и на гладкой поверхности сначала отразился дым, затем Ллос, а потом и демон увидели город дроу.

– Можешь мне поверить, твоя роль будет небольшой, но жизненно важной, – произнесла Ллос. – Не подведи меня, великий Эррту!

Демон понимал, что это в равной степени и просьба, и угроза.

– А подарок? – спросил он.

– Если все пойдет как надо...

Эррту снова бросил на нее подозрительный взгляд.

– Дризт До'Урден – мелкая рыбешка, – сказала Ллос. – Его Дома больше не существует, поэтому сам по себе он ничего для меня не значит. Но мне будет приятно видеть, как великий Эррту оплатит ему за те неудобства, которые отступник причинил нам.

Конечно, предложение звучало весьма заманчиво, думал Эррту, но нельзя было забывать, что оно исходило от Ллос, Паучьей Королевы, Владычицы Хаоса.

Однако он помнил и о том, что обещанный ею подарок

сулил освобождение от невыносимой скуки. Он мог истязать тысячи мелких бесов день за днем, мучить и снова отшвыривать их, жалобно стонающих, в грязь. Но даже тысяча тысяч подобных дней не пойдут ни в какое сравнение с одним-единственным часом на Материальном уровне, где он мог бы-свободно разгуливать среди слабых душ и пытаться тех, кто ничем не заслужил его мести.

Поэтому великий танар'ри согласился.

Часть I

Начало Раздора

В Мифриловом Зале готовились к войне, потому что, хотя во многом благодаря Кэтти-бри мы и нанесли Дому Бэнр болезненный удар, никто не сомневался, что темные эльфы снова встанут на нашем пути. Мать Бэнр должна была впасть в ярость, и я, прошедший в Мензоберранзане всю свою юность, понимал, что, имея врага в лице Матери Первого Дома, не стоило ждать ничего хорошего.

И все же мне нравилось то, что творилось в твердыне дварфов! А больше всего мне нравилось наблюдать за Бруенором Баттлхаммером.

Бруенор, дорогой мой друг! С ним мы сражались вместе еще в Долине Ледяного Ветра – какими далекими кажутся теперь те дни! Когда погиб Вулфгар, я боялся, что Бруенор сломлен навсегда, что душевное пламя, всю жизнь ведавшее этого несокрушимого дварфа через, казалось бы, непреодолимые препятствия, погасло навеки. Но когда началась подготовка к войне, я понял, что это не так. На теле Бруенора стало больше ран – он потерял левый глаз, а ото лба через всю щеку протянулся наискосок голубоватый шрам, – но пламя его духа разгорелось с новой силой, и яркие отблески его светились в здоровом глазу короля.

Бруенор руководил всеми приготовлениями, он входил во все: от согласования проектов укреплений,

которые надо было возвести в нижних туннелях, до отправки посланников к союзникам в близлежащие города. Принимая решения, он не нуждался в помощи, ибо он был – Бруенор, Восьмой Король Мифрилового Зала, дварф, переживший множество приключений и заслуженно носивший свой титул.

Скорбь ушла, – к радости друзей и подданных, он снова стал прежним Бруенором.

– Пусть приходят эти проклятые дроу! – частенько ворчал он, кивая при этом в мою сторону, если я оказывался неподалеку, как бы давая понять, что о присутствующих не говорят.

По правде сказать, это воинственное ворчание Бруенора было сладчайшей музыкой для моих ушей.

Я спрашивал себя, что же заставило скорбящего дварфа вынырнуть из самой глубины отчаяния? Да и не только Бруенор, все вокруг чувствовали воодушевление: дварфы, Кэтти-бри, даже Регис, хотя халфлинг обычно с большей охотой готовился к обеду и сладкой дреме, чем к войне. Я и сам ощущал подъем. Этот зуд ожидания, это чувство товарищества, побуждавшее нас всех хлопать друг друга по плечу, шумно восхвалять даже простейшие усовершенствования оборонительных укреплений и дружными приветственными криками встречать любые добрые вести.

Что же это было? Нечто гораздо большее, чем общий страх, чем чувство благодарности за все, что мы имели, перед лицом угрозы все потерять. В то время лихорадочной деятельности и упоения общими усилиями я этого не осознавал. Сейчас я,

мысленно оборачиваясь назад, ясно вижу, что за чувство сплотило нас тогда.

Надежда!

Для любого разумного существа нет более основополагающего чувства. В душе каждый из нас и все вместе надеются, что будущее окажется лучше прошлого, что наши потомки и их потомки будут чуточку ближе к идеальному обществу, каким бы мы его себе ни представляли. Само собой, мечты о будущем воинственного варвара разительно отличаются от надежд мирного селянина. И дварф никогда не захочет жить в мире, напоминающем идиллию эльфов. Но сама надежда в основе своей остается все той же. Именно тогда, когда мы ощущаем, что помогаем приближению к благой цели, – как в Мифриловом Зале, когда мы думали, что битва с Мензоберранзаном не за горами, но верили, что мы разгромим темных эльфов и навсегда положим конец угрозе, исходящей от этого черного города, – так вот именно тогда мы переживаем подлинный душевный подъем.

Надежда – основа всего. Будущее должно быть лучше прошлого. Без этой веры останется лишь самовлюбленное, эгоистичное и предельно пустое существование в настоящем, как живут дроу, или же обычное безнадежное прозябание в ожидании смерти.

Бруenor и все мы увлеклись общим делом, и никогда я не чувствовал себя более полным жизни, чем в те дни, когда Мифриловый Зал готовился к

войне.

– Дриззт До'Урден

Глава 1

Дипломатия

Ее тяжелые золотисто-каштановые локоны развевались, а сама Кэтти-бри с жаром отбивала неуловимо мелькающие скимитары дроу. Она была сильной женщиной – сто тридцать фунтов сплошных мускулов, закаленных и тренированных жизнью с народом Бруенора. Она умела обращаться даже с молотом и наковальней.

С мечом она тоже прекрасно управлялась, а ее новый клинок с навершием в виде головы единорога, сделанным из белого металла, далеко превосходил любое оружие, какое ей приходилось когда-либо держать в руках. Все же в этот день противник жестоко теснил Кэтти-бри и совершенно явно превосходил ее в умении. Впрочем, мало кто во всех Королевствах мог бы сравниться в мастерстве владения клинками с Дриззтом До'Урденом, воином-дроу.

Он был примерно такого же роста и комплекции, что и Кэтти-бри, может, на пару фунтов потяжелее, и все его тело сплошь состояло из тугих мускулов. Белые волосы, почти такой же длины, как и у девушки, были такими же густыми, а гладкая эбеновая кожа блестела от пота, что было лестным

подтверждением умения и ловкости противницы.

Оба скимитара Дризта скрестились перед ним (один клинок сверкал яростным голубым светом даже сквозь надетый на него защитный чехол), потом широко разошлись, как бы приглашая Кэтти-бри сделать выпад.

Но она хорошо знала его уловки. Дризт двигался молниеносно, он мог ударить одним клинком по самому острию меча, а другим, послав его в противоположном направлении, отбить меч противника к земле у самой рукояти. Сделав лишь один шаг в сторону, следуя движению одной из сабель, Дризт победил бы ее.

Поэтому Кэтти-бри отступила назад и выставила меч перед собой. И встретилась взглядом с лавандовыми глазами дроу.

– Что, упустила возможность? – поддразнил Дризт.

– Да нет, избежала ловушки, – не полезла за словом в карман Кэтти-бри.

Дризт стремительно бросился в наступление, его скимитары скрестились, потом, со свистом разрезая воздух, широко разлетелись, один клинок сверху, другой снизу. Кэтти-бри отставила левую ногу и пригнулась, отражая нижнее лезвие мечом и одновременно наклонив голову, чтобы не получить удар верхним.

Но она могла не стараться, потому что скимитары разошлись слишком быстро, еще до того, как Дризт успел сделать шаг вслед за движением рук, и оба клинка со свистом

рубанули воздух, не достигнув цели.

Кэтти-бри заметила образовавшуюся брешь и сделала выпад мечом.

С непостижимой быстротой мелькнули скимитары Дриззта, лязгнув по ее клинку с обеих сторон. Но Дриззт очень неудачно стоял, поэтому не успел, следуя движению оружия, сделать один шагок наискосок и использовать свое преимущество.

Девушка ступила вперед и в сторону, выдернув меч из захвата, и напала на Дриззта, нанеся удар в бедро.

Дриззт парировал наотмашь, высоко отбив ее оружие.

Они снова разошлись, не отрывая глаз друг от друга. Кэтти-бри лукаво улыбалась. За долгие месяцы тренировок она впервые чуть было не нанесла удар искусному и ловкому дроу.

Однако, заметив выражение лица Дриззта, она перестала радоваться, а дроу, досадливо мотнув головой, всадил острия своих сабель в пол.

– Дело в браслетах? – спросила Кэтти-бри, имея в виду волшебные мифриловые кольца на полосах черной ткани, охватывавшие предплечья Дриззта. Он снял их с тела Дантрага Бэнра, бывшего оружейником Первого Дома Мензоберранзана, победив его в схватке. По слухам, благодаря этим браслетам руки Дантрага двигались с невероятной быстротой, давая ему преимущество в бою.

Победив быстрого, как молния, Бэнра, Дриззт и сам в

этом убедился, а поносив браслеты в учебных поединках последних недель, изучил их возможности. Однако он не был уверен, что ношение волшебных браслетов всегда идет на пользу. В битве с Дантрагом ему удалось обернуть очевидное преимущество противника против него же, поскольку руки оружейника двигались столь быстро, что тот был не в состоянии изменить траекторию уже начатого движения и не мог вовремя среагировать, если соперник делал неожиданный ход. Теперь же, пользуясь браслетами в тренировочных боях, Дризт обнаружил еще один недостаток. Ноги отставали от рук.

– Ты приспособишься, – утешала его Кэтти-бри. Однако Дризт вовсе не был в этом уверен.

– Искусство боя – это искусство равновесия и движения, – пояснил он.

– Но ведь теперь ты двигаешься быстрее! – воскликнула девушка.

Дризт покачал головой.

– Только руки, – ответил он. – Нельзя одержать победу одними руками. Для победы воину нужны и ноги, чтобы придать своему телу лучшее положение для удара, когда соперник раскрывается.

– Но ты научишься, – снова сказала Кэтти-бри. – Дантраг был лучшим воином Мензоберранзана, и ты сам говорил, что все дело в браслетах.

Дризт тоже думал, что волшебные предметы очень по-

могали Дантрагу, но считал, что бойцу его уровня или, скажем, уровня Закнафейна, его отца, от них будет немного прока. Возможно, решил Дризт, они были бы хорошим подспорьем. Для менее искусного воина, который смог бы полагаться исключительно на быстроту своего оружия. Но настоящий воин, мастер, достигший согласованности между всеми мускулами тела, только утратил бы гармонию. Может быть, браслеты помогли бы тому, кто дерется тяжелым оружием, например боевым молотом, таким как Эйджис-фанг. Дризт же орудовал своими скимитарами, тонкими клинками весом не более двух фунтов, доведенными до совершенства мастерством ремесленника и заклинаниями. И без малейшего усилия, и даже без браслетов, движения его рук опережали движения ног.

– Ну, давай же, – поддела его Кэтти-бри, медленно ведя мечом перед собой. Ее большие голубые глаза сузились, а прекрасно очерченные бедра напряглись, когда она чуть присела.

Дризт понимал, что она решила воспользоваться его слабой стороной. Теперь она знала, в чем его недостаток, и хотела отыграться за те многочисленные уколы, которые он нанес ей в учебных поединках.

Дризт тяжело вздохнул и поднял оружие. Он готов был сделать одолжение Кэтти-бри, но пусть она его заработает!

Он медленно двинулся вперед, не переходя в наступление. Она сделала выпад, и он дважды ударил по мечу еще

прежде, чем тот приблизился, правым скимитаром по левой стороне лезвия и снова по левой стороне уже левым скимитаром, отклонив клинок соперницы книзу.

Кэтти-бри, держась направления удара, описала круг, уходя от противника. Когда она обернулась, Дризт, как и следовало ожидать, стоял перед ней, играя скимитарами.

Но терпеливый дроу по-прежнему сдерживал себя, не переходя в быстрое напористое наступление. Его клинки снова скрестились и разошлись, дразня девушку.

Она сделала выпад вперед, полная решимости попасть в ускользающую брешь в его защите. И вновь мелькнули скимитары, последовало несколько ударов, опять по левой стороне лезвия меча. Как и в предыдущий раз, Кэтти-бри развернулась, но теперь Дризт перешел в наступление.

Девушка почти присела и подалась назад. Оба скимитара Дризта рассекли воздух над ее головой и перед лицом, поскольку он опять не успел переступить и стать в нужную боевую стойку.

И тут Дризт с удивлением обнаружил, что Кэтти-бри перед ним больше нет.

Он называл этот прием «шаг призрака» и сам научил ему девушку всего неделю назад. Суть его заключалась в том, чтобы воспользоваться летящим оружием противника как своеобразным оптическим заслоном и передвинуться в недоступной его зрению области так быстро и с таким совершенством, чтобы противник не понял, что ты сделал шаг

вперед и в сторону, встав рядом с его выставленной вперед ногой.

Дроу машинально махнул скимитаром назад, направив клинок вниз, поскольку Кэтти-бри не распрямлялась. Он ударил слишком рано, и его клинок, увлекаемый инерцией движения, пронесся дальше, не предупредив выпад девушки.

Меч с навершием в виде головы единорога с силой ударился в его бедро, и Дризт вздрогнул.

Для Кэтти-бри наступило мгновение чистейшего восторга. Конечно, она понимала, что браслеты мешали Дризту и он совершал ошибки – а их Дризт До'Урден не делал с тех времен, когда был еще Юным бойцом, – но, даже учитывая эту помеху, дроу оставался сильным противником, и вряд ли кто-то мог одержать над ним верх.

Поэтому какое блаженное чувство овладело Кэтти-бри, когда ее меч наконец беспрепятственно проник сквозь защиту дроу!

Но радость тут же сменилась странным непреодолимым желанием всадить клинок глубже, внезапной необъяснимой злостью, направленной на самого Дризта.

– Касание! – воскликнул Дризт, что означало – он «ранен», и тогда Кэтти-бри выпрямилась в некотором замешательстве. Дризт уже стоял в нескольких футах от нее и потирал поцарапанное бедро.

– Прости, – сказала она, поняв, что удар был сильнее, чем

она рассчитывала.

– Ничего страшного, – с хитрецей ответил Дриззт. – Могу поспорить, что один этот порез не сравнится с суммой неприятных ощущений, которые тебе доставили уколы моих сабель. – На губах темного эльфа играла плутовская улыбка. – И с теми неприятными ощущениями, которые они тебе еще доставят!

– А я так думаю, что скоро стану с тобой наравне, Дриззт До'Урден, – спокойно и уверенно ответила Кэтти-бри. – Ты, конечно, нанесешь мне удары, но и свои получишь, будь уверен!

И они оба рассмеялись, а потом девушка отошла в другой конец комнаты и стала снимать тренировочную одежду.

Дриззт стянул чехол с одной из сабель и задумался над словами Кэтти-бри. Что правда, то правда, она делает значительные успехи. У нее сердце воина, облагороженное поэтичной душой, – весьма опасное сочетание. Как и Дриззт, Кэтти-бри предпочтет решить спор словами, а не вступать в бой, но, когда все дипломатические уловки использованы, она будет сражаться с чистой совестью и подлинной страстью. Она вложит в схватку всю душу и все свое умение, а и тем, и другим девушка обладала в избытке.

А ведь ей всего двадцать! Если бы она родилась дроу в Мензоберранзане, то была бы сейчас в Арах-Тинилит, школе Ллос, где лживые жрицы Паучьей Королевы изо дня в день калечили бы ее чистую душу. Дриззт отогнал неприят-

ную мысль; ему противно было даже представить Кэтти-бри в этом жутком месте. А если бы она родилась мужчиной и вместо этого попала в Мили-Маджере, школу воинов? Каково бы ей пришлось среди юнцов-дроу?

Скорей всего, решил Дризт, Кэтти-бри была бы одной из лучших в классе благодаря своей страстной натуре и целеустремленности. Дризт подумал о том, чему еще она сможет научиться под его руководством, и на его лице появилось печальное выражение, поскольку он хорошо осознавал ограничения, наложенные на девушку ее рождением. Ему самому было за шестьдесят; по меркам дроу, он только вышел из юношеского возраста, поскольку темным эльфам было отпущено не меньше семи веков, но, когда Кэтти-бри достигнет его нежного возраста, она будет слишком стара, чтобы сражаться с блеском.

Мысль об этом причиняла Дризту острую боль. Ему суждено увидеть, как Кэтти-бри состарится, а потом уйдет в мир иной, если только его собственную жизнь не оборвет клинок врага или когти чудовища.

Сейчас девушка снимала толстый защитный костюм и расстегивала металлический воротник, а Дризт смотрел на нее. Под тренировочной одеждой на ней была надета только легкая рубашка. Ткань пропиталась потом и прилипла к телу.

Хоть она и воин, отметил про себя Дризт, но она еще и красивая молодая женщина, сильная, с точеными формами,

в теле которой заключена юная непоседливая душа и горячее сердце.

Если бы Дризт не был так погружен в собственные раздумья, он, несомненно, услышал бы, как внезапно распахнулась дверь, впустив в комнату отдаленный рокот кузнечных горнов и лязг молотов.

– Эй! – послышался вопль от двери, и, повернувшись, Дризт увидел влетевшего в комнату Бруенора. Он почти приготовился к тому, что приемный отец Кэтти-бри, чересчур уж пекшийся о ней, сейчас с возмущением спросит, на что это Дризт, Девять Проклятых Кругов, пялится. Поэтому дроу перевел дух, когда неистовый рыжебородый дварф, брызгая слюной, стал вместо этого громко бранить Сеттлстоун, поселение варваров к югу от Митрилового Зала.

Однако Дризт почувствовал, что щек" его запылали (и от души надеялся, что из-за черной кожи румянец будет незаметен), покачал головой, провел рукой по белым волосам, отбрасывая их с лица, и тоже начал снимать костюм.

Кэтти-бри подошла поближе, на ходу стряхивая капельки пота с густой шевелюры.

– Берктгар оказался несговорчивым? – предположила она, подразумевая Берктгара Смелого, нового вождя Сеттлстоуна.

Бруенор фыркнул:

– А чего еще ждать от Берктгара?

Дризт взглянул на прекрасную Кэтти-бри. Ему не хоте-

лось думать о том, что она состарится, хотя он и был уверен, что она встретит старость с большим достоинством, чем большинство людей.

– Он гордый, – ответила она отцу, – да к тому же боится.

– Пф! Чего ему бояться? Пара сотен сильных молодцев вокруг, и при этом ни одного врага поблизости.

– Он боится, что не сможет тягаться с тенью своего предшественника, – пояснил Дризт, и Кэтти-бри кивнула.

Бруенор уже готов был выкрикнуть что-то еще, но затих, обдумывая слова дроу. Берктгар жил в тени Вулфгара, в тени величайшего героя варварского племени из Долины Ледяного Ветра. Того самого, что убил белого дракона Ледяную Смерть; того юношу, который, едва достигнув двадцати лет, смог объединить свирепые племена и дать им возможность зажить лучшей жизнью.

Вряд ли кто-либо из смертных сможет затмить деяния Вулфгара, подумал Бруенор, и решительно кивнул в знак согласия с доводами друзей. Но при этом печаль облаком набежала на его лицо и затуманила серо-стальные глаза, потому что Бруенор все еще не мог без грусти думать о Вулфгаре, бывшем ему как сын.

– А с чего, собственно, он оказался несговорчивым? – уточнил Дризт, чтобы поскорее отвлечь Дварфа от грустных мыслей.

– Да все из-за этого проклятого союза! – взорвался Бруенор.

Дризт и Кэтти-бри недоуменно переглянулись. Какая-то бессмыслица! Варвары Сеттлстоуна и дварфы Мифрилового Зала и так были союзниками, работали сообща: люди Бруенора добывали драгоценный мифрил и делали из него прекрасные вещи, а варвары служили посредниками между ними и купцами из близлежащих городов, Несма на в Тролльмуре и Силверимуна на востоке. Народы Бруенора и Вулфгара вместе сражались, чтобы очистить Мифриловый Зал от злобных дуергаров – серых дварфов, а потом пришедшие из далекой Долины Ледяного Ветра варвары, под влиянием крепкой дружбы с кланом Бруенора, решили остаться в окрестностях Мифрилового Зала. Так что теперь, когда нависла угроза нападения темных эльфов, несговорчивость Берктгара представлялась совершенно нелепой.

– Он требует молот, – объяснил Бруенор, видя, что Кэтти-бри и Дризт ему не верят.

Так вот в чем дело! Этим молотом был могучий Эйджис-фанг, который Бруенор сам выковал для Вулфгара и подарил ему, когда юный варвар, связанный договором, находился в подчинении у рыжебородого дварфа. Как раз в те годы Бруенор, Дризт и Кэтти-бри убедили неистового юношу, что в жизни есть много разных путей.

Конечно, Берктгар жаждет заполучить Эйджис-фанг, подумал Дризт. Этот боевой молот теперь стал чем-то большим, чем просто оружием; для суровых жителей Сеттлстоуна он был символом, памятью о Вулфгаре. И если бы Беркт-

гару удалось склонить Бруенора к тому, чтобы отдать ему молот, его положение как главы своего народа значительно укрепилось бы.

Вполне трезвый расчет, но Дризт знал: никогда и ни за что Берктгару не удастся уговорить дварфа отдать ему молот.

Бруенор смотрел на Кэтти-бри, и Дризт тоже взглянул на нее, гадая, не думает ли она о том, что лучше поступиться Эйджис-фангом в преддверии войны. Какие чувства сейчас, наверное, борются в ее душе! Ведь она должна была выйти замуж за Вулфгара; они росли вместе и большинство уроков жизни прошли сообща. Сможет ли Кэтти-бри закрыть глаза на прошлое, перечеркнуть собственную скорбь и принять рассудочное решение ради того, чтобы укрепить военный союз?

– Нет, – в конце концов твердо сказала она. – Молот он не получит.

Дризт обрадовался, что девушка не предала память Вулфгара и свою любовь. Он тоже братски любил молодого варвара и не мог себе представить, чтобы кто-то другой, хоть Берктгар, хоть сам бог войны Темпос, стал хозяином Эйджис-фанга.

– У меня и в мыслях ничего подобного не было, – подтвердил Бруенор. Он сердито потряс кулаком в воздухе, и при этом мышцы на его руке напряглись. – Но если этот олений недоносок возникнет еще раз, он у меня кое-что получит, не

сомневайтесь!

Дриззт понял, что назревает серьезное затруднение. Берктгар хотел получить молот, что было вполне понятно и объяснимо, но молодой честолюбивый вождь варваров, по видимому, не понимал всей неуместности своего требования. Этот конфликт мог не только вызвать натянутые отношения между двумя народами, но даже привести их в состояние войны, поскольку Дриззт ничуть не сомневался в серьезности угрозы Бруенора. Если Берктгар снова придет требовать молот в качестве платы за то, на что он и так должен согласиться без всяких условий, скорее всего он вернется на поверхность без рук и без ног. А дварфам теперь очень нужны были союзники.

– Мы с Дриззтом отправимся в Сеттлстоун, – предложила Кэтти-бри. – И заручимся поддержкой Берктгара, не обещая ему ничего взамен.

– Да этот парень просто дурак! – кипятился Бруенор.

– Зато его народ умен, – возразила Кэтти-бри. – Вождь хочет получить молот, чтобы его больше уважали. Но мы объясним, что его будут уважать меньше, раз он требует то, на что не имеет права.

Глядя на девушку, Дриззт думал о том, что она сильна, полна энтузиазма да еще так разумна. Наверняка она сделает то, что сказала.

Когда Бруенор и Кэтти-бри ушли, Дриззт испустил долгий вздох. Он видел, что в походке короля появилась преж-

няя упругость, жизнь снова была в нем ключом. Сколько еще продлится правление короля Бруенора Баттлхаммера? Сто лет? Двести?

В любом случае, если только жизнь его не оборвет клинок неприятеля или когти чудовища, дварфу тоже суждено пережить старость и смерть Кэтти-бри.

Глядя на легкую поступь юной, полной жизни женщины, Дризт не в силах был думать об этом.

* * *

Хазид'хи, или Потрошитель, спокойно висел на бедре Кэтти-бри, его гнев уже улегся. Чуткий меч был доволен успехами девушки. Вне всякого сомнения, она была очень одаренной, но Хазид'хи нужно было больше, он хотел принадлежать только самому лучшему воину.

И пока таким воином являлся Дризт До'Урден.

Когда дроу-отступник убил его прежнего владельца, Дантрага Бэнра, Хазид'хи должен был достаться Дризту. Меч изменил форму своего навершия, как обычно делал, и теперь его рукоять венчала голова единорога вместо головы демона (которой он привлек Дантрага), поскольку меч знал, что единорог – знак богини, которой поклонялся Дризт До'Урден. Но дроу отдал меч Кэтти-бри, предпочитая скимитары.

Скимитары!

Как же теперь Хазид'хи хотел, чтобы он мог по желанию менять форму лезвия, а не только наворачивая! Если бы он только мог слегка его изогнуть, чуть укоротить и сделать немного потолще...

Но этого Хазид'хи сделать не мог, и Дризт никогда не возьмет меч себе. Зато женщина хороша и с каждым днем становится все лучше. Правда, она всего лишь человек и не проживет достаточно долго, чтобы добиться такого же мастерства, как Дризт, но можно внушить ей, скажем, желание убить темного эльфа...

Ведь есть так много способов стать лучшим из лучших.

* * *

Мать Бэнр, даже по меркам дроу настолько дряхлая, что ей давно пора было лежать в могиле, стояла посреди большой часовни Первого Дома Мензоберранзана и наблюдала, как медленно идут работы по извлечению острого, как копье, сталактита из купола здания. Она не сомневалась, что часовня снова будет иметь прежний вид. С пола уже убрали мусор и отскоблили пятна крови десяти погибших в этой катастрофе дроу.

Но осталась боль того злосчастного мига, мига высочайшей славы Первой Матери, обернувшегося позором на глазах всех Высших Матерей Мензоберранзана. Сталактит, как нож, вонзился в свод часовни, но лучше бы он пронзил серд-

це самой Матери Бэнр. Она с таким трудом привела к соглашению враждующие Дома города дроу, укрепив союз посулами невиданной славы, когда объединенная армия дроу завоюет Мифриловый Зал во славу Паучьей Королевы. Во славу самой Матери Бэнр!

Теперь, с падением сталактита и побегом предателя Дриззта До'Урдена, все надежды рухнули. Из-за Дриззта она потеряла своего сына, Дантрага, пожалуй лучшего оружейника Мензоберранзана. Из-за Дриззта она потеряла свою дочь, злобную Вендес. Но больше всего уязвляло старуху, что из-за проклятого отступника и его друзей развалился союз, залог ее беспримерной славы. Потому что в то самое мгновение, когда гигантский сталактит пробил купол священного храма Ллос во время торжественной службы, вера Матерей Домов в то, что военный союз и готовящаяся война угодны Паучьей Королеве, рухнула. Все они в спешке разбежались по своим резиденциям, наглухо закрыли ворота и в тишине сами стали выяснять, какова же воля Ллос.

Положение Матери Бэнр очень сильно пошатнулось.

Но, несмотря на все происшедшее, Мать Первого Дома все еще верила, что союз можно восстановить. На цепочке вокруг ее шеи висело кольцо, вырезанное из зуба древнего короля дварфов, некоего Гэндалуга, основателя клана Баттлхаммера и Мифрилового Зала. Мать Бэнр имела власть над его душой и благодаря этому узнала расположение всех ходов и выходов в твердыне дварфов. Даже невзирая на по-

бег Дриззта, темные эльфы могут проникнуть в Миффриловый Зал и покарать предателя и его друзей.

Она все еще могла восстановить содружество, но по какой-то причине, которой Бэнр не понимала, сама Паучья Королева, Ллос, сдерживала ее. Престарелой матроне явились йоклол, прислужницы Ллос, и предупредили, что ей следует забыть о союзе, заняться собственной семьей и блюсти оборону Дома. Такого предупреждения не посмела бы слушаться ни одна из жриц Паучьей Королевы.

Услышав позади себя резкий стук тяжелых сапог по камню и звон многочисленных украшений, она, даже не оборачиваясь, поняла, что пришел Джарлаксл.

– Ты сделал все, как я сказала? – обратилась она к нему, по-прежнему наблюдая за работами под куполом.

– И я приветствую тебя, Мать Первого Дома, – саркастически отозвался наемник.

Мать Бэнр обернулась, сердито глядя на него, хотя она и другие верховные Матери всегда так смотрели на главаря наемников.

Он держался вызывающе – иначе не скажешь. Темные эльфы Мензоберранзана, в особенности мужчины, находившиеся в приниженном положении, обычно носили неброскую практичную одежду темных тонов, украшенную орнаментом из пауков и паутины, или же простые черные кожаные куртки под тонкими кольчугами. И мужчины, и женщины почти не расставались с маскирующими пивафви, темными плаща-

ми, скрадывавшими очертания тел, делая их менее заметными для глаз врагов.

Но к Джарлакслу это не относилось. На его бритую макушку была нахлобучена совершенно невероятная широкополая шляпа, украшенная громадным плюмажем из перьев диатримы. Вместо плаща или мантии он носил накидку, переливавшуюся всеми цветами радуги как в нормальном, так и в инфракрасном спектре. Короткая рубашка без рукавов обнажала рельефные брюшные мышцы. К тому же на нем было надето невообразимое количество самых разных драгоценностей: кольца, цепи и ожерелья, браслеты, даже ножные браслеты, – и все это громко позвякивало, но лишь тогда, когда сам наемник этого хотел. Как и сапоги, так громко простучавшие по каменному полу часовни, все эти ценности могли не издавать ни звука.

Мать Бэнр обратила внимание, что обычная повязка Джарлаксла была сегодня передвинута на левый глаз, но, что это означало, если в этом вообще был какой-то смысл, она не знала.

Да и кто мог сказать, какие волшебные силы были заключены в этой его повязке, побрякушках и сапогах, в двух волшебных папочках, заткнутых за • пояс, или в прекрасном мече, висевшем на перевязи рядом с ними? Мать Бэнр подзревала, что половина этих вещей были фальшивыми, с совсем незначительными магическими возможностями или же вовсе без таковых, может, они только и могли, что оставаться

беззвучными при движении. Вообще половина всего, что делал Джарлаксл, было блефом, но зато остальные его поступки – коварными и чрезвычайно опасными.

Вот почему настырного наемника следовало остерегаться.

И именно поэтому Мать Бэнр так ненавидела его и так нуждалась в нем. Он был главарем Бреган Д'эрт, разветвленной сети шпионов, воров и убийц, большинство из которых были мужчины-дроу без семьи, лишившиеся Дома в ходе многочисленных междоусобных войн. Члены Бреган Д'эрт были не менее загадочны, чем их непредсказуемый главарь, их никто не знал, но они обладали значительной властью, сравнимой с властью наиболее сильных Домов, и всегда добивались своего.

– Что тебе удалось узнать? – прямо спросила Мать Бэнр.

– Да, теперь сто лет не отмыться, – дерзко ответил мошенник.

Старуха Бэнр угрожающе сощурила горящие красные глаза, и Джарлаксл понял, что она совсем не в настроении сносить его шуточки. Она была напугана, он хорошо это понимал, и причина, учитывая катастрофу в часовне, была достаточно серьезной.

– Никакого заговора я не обнаружил, – поспешно добавил он совсем другим тоном.

Мать Бэнр бросила на него удивленный взгляд и даже отступила на шаг, пораженная столь недвусмысленным ответом. Само собой, она уловила бы явную ложь, воспользо-

вавшись определенным заклинанием. И конечно, Джарлаксл это знал. Однако такие заклинания, как правило, не слишком беспокоили хитрого наемника, потому что он прекрасно умел обойтись без прямых ответов на вопросы, не говоря всей правды, но и не прибегая к откровенной лжи.

Однако сейчас он говорил правду и отвечал точно на заданный вопрос. По крайней мере Мать Бэнр решила, что он говорит правду.

Но ей было трудно в это поверить. Может, заклинание подвело? А может, Ллос отвернулась от нее в наказание за позорное поражение? И теперь, вводит ее в заблуждение, заставляя поверить в искренность слов Джарлаксла?

– Мать Мез'Баррис Армго, – продолжал Джарлаксл, называя имя главы Барризон дель'Армго, Второго Дома, – верна и тебе, и твоему делу, даже невзирая на... – он помедлил, подыскивая слово, – помехи во время торжественной службы, – наконец нашелся он. – Мать Мез'Баррис даже приказала своему гарнизону быть в состоянии боевой готовности на случай, если кампанию против Миффрилового Зала решено будет возобновить. И уверяю тебя, они горят желанием начать поход, особенно теперь, после... – Наемник умолк и вздохнул с притворной печалью, но Мать Бэнр поняла, что он хотел сказать.

Ясно, что Мез'Баррис не терпит отправиться в Миффриловый Зал, ведь после гибели Дантрага Бэнра ее собственный оружейник, могучий Утегенталь, стал первым во-

ином города. Если Утегенталь схватит отступника До'Урде-на, можно представить, какие почести ожидают Дом Барризон дель'Армго!

Но это трезвое и, по-видимому, честное заявление Джарлаксла разбило страхи Матери Бэнр, потому что никакой союз других Домов без пособничества Барризон дель'Армго Дому Бэнр был не страшен.

– Конечно, среди тех твоих детей, кто остался в живых, началось какое-то движение, – продолжал Джарлаксл. – Но они почти не общаются, и даже если кто-нибудь из них и задумал что-то против тебя, то им придется обойтись без помощи Триэль, которая со времени побега отступника очень занята в Академии.

Мать Бэнр ничем не выдала, какой камень свалился с ее души. Если Триэль, которая из всех ее дочерей обладала самой большой властью и, несомненно, пользовалась наибольшей благосклонностью Ллос, не собиралась восставать против своей матери, то удара изнутри можно и не опасаться.

– Ожидают, что скоро ты объявишь Бергиньона новым оружейником, и Громф не будет возражать против этого, – заметил Джарлаксл.

Громф был старшим сыном Бэнр и Архимагом Мензоберранзана, в его руках была сосредоточена власть, какой не было ни у одного из мужчин города (кроме, пожалуй, изворотливого Джарлаксла). Громф вряд ли будет иметь что-то против назначения Бергиньона. Иерархия дочерей Мать Бэнр не

беспокоила. Триэль была Матерью-Хозяйкой Арах-Тинилит в Академии, и, хотя те дочери, что оставались в доме, и могли сцепиться за обязанности и привилегии, которыми при жизни обладала Вендес, самой Матери это не касалось.

Старуха Бэнр перевела взгляд на сталактит, которым Дризт и его друзья пронзили купол часовни. Удовлетворения она не чувствовала. В жестоком, не знающем жалости Мензоберранзане самоуспокоение и самодовольство слишком часто вели к сокрушительному падению.

Глава 2

Отряд “Веселые Мясники”

Ты думаешь, он нам понадобится? – спросила Кэтти-бри, идя с Дриззтом по коридорам нижнего уровня Мифрилового Зала. Коридор открывался в гигантскую многоярусную пещеру, где находился знаменитый Нижний Город dwarфов.

Дриззт приостановился и взглянул на нее, потом пошел налево, потянув девушку за собой. Из коридора они вышли на второй снизу ярус бескрайней пещеры.

Здесь царила суматоха. Dwarфы пересекали пещеру во всех направлениях. Они кричали, пытаясь перекрыть непрекращавшееся гудение громадных кузнечных мехов и громкий звон бивших по мифрилу молотов. В этой гигантской пещере, восточная и западная стены которой спускались к полу громадными уступами, так что вся она напоминала перевернутую ступенчатую пирамиду наизнанку, и было самое сердце Мифрилового Зала. В самом низу, на полу, располагались огромные топки. Крепкие dwarфы толкали тяжелые, груженные рудой тачки по определенным маршрутам, в то время как другие работали у горнов, а третьи тащили на верхние ярусы маленькие тележки с чистым металлом. Там, наверху, многочисленные ремесленники изготавливали из этого сырья всякие удивительные вещи. Например, серебряные приборы, украшенные драгоценными камнями кубки и богато

отделанные шлемы – роскошные, но совершенно бесполезные. Сейчас же, когда все жили в ожидании войны, dwarфы переключились на оружие и настоящие, надежные доспехи. Неподалеку от Кэтти-бри и Дриззта один dwarf, сплошь покрытый сажей, так что даже цвета его бороды было не различить, прислонил к стене метательное копьё с железным древком и покрытым мифрилом наконечником. Коротенькому dwarfу даже не достать было до его верхушки на высоте восьми футов, но, глядя на зазубренный наконечник, он довольно посмеивался. Должно быть, представлял, как замрут от ужаса бедняжки дроу, когда это копьё полетит в них.

На одном из высоких мостов, перекинутых между ярусами, футах в ста пятидесяти над головами друзей, разгорелся жаркий спор. Во всеобщем гуле и грохоте Кэтти-бри и Дриззт почти не различали слов, но поняли, что там говорят о том, что надо бы обрушить этот и остальные мосты, чтобы вынудить солдат дроу идти теми путями, что выберут сами dwarфы, если захватчики попытаются попасть на верхние уровни Мифрилового Зала.

Хотя все, и Дриззт, и Кэтти-бри, и Бруенор, надеялись, что до этого не дойдет.

Друзья понимающе переглянулись. За всю долгую историю Мифрилового Зала Нижний Город редко жил в таком возбуждении. Сейчас же все были как в угаре. Две тысячи dwarфов носились очертя голову, кричали, колотили молотами и тягали грузы, которые и мулу-то не поднять.

И все потому, что боялись прихода дроу.

Тогда Кэтти-бри поняла, почему Дризт решил сделать крюк и пройти через эту пещеру, почему настаивал на том, чтобы поговорить с халфлингом Регисом до того, как они отправятся в Сеттлстоун.

– Ну, пойдем искать этого проныру, – прокричала она, чтобы Дризт ее услышал.

Дризт кивнул и двинулся вслед за ней в слабо освещенные коридоры, где было сравнительно тихо. Они шагали прочь от Нижнего Города, к дальним помещениям, где, как сказал Бруенор, можно было найти халфлинга. Они передвигались беззвучно; Дризт был поражен, как тихо научилась ступать Кэтти-бри. На ней, как и на нем, была тонкая кольчуга из мелких, но необычайно крепких мифриловых колечек, подогнанная по фигуре Бастером Брейсером, лучшим оружейником Мифрилового Зала. Сидевшая на Кэтти-бри кольчуга еще раз подтверждала его репутацию, потому что сделана она была с таким мастерством и была такой эластичной, что повторяла все ее движения не хуже рубашки из плотной ткани.

Сапоги девушки, как и у Дризта, были из мягкой кожи и хорошо разношены, но даже в такой удобной обуви мало кто из людей мог передвигаться так неуловимо для слуха, как она. Дризт едва различал ее в тусклом неверном свете редко расставленных факелов. Он заметил, что девушка ступает как дроу, сперва касаясь пола подушечкой стопы, а не как

большинство людей – с пятки на носок. Время, проведенное в Подземье в поисках Дриззта, не прошло для нее даром.

Дроу с одобрением отметил все это, но промолчал. Она сегодня и так потешила свою гордость, незачем хвалить ее, а то еще зазнается.

Коридоры были пусты, а тьма все больше сгущалась. Дриззт даже переключился на зрение в инфракрасном диапазоне, позволявшее ему различать очертания теплых предметов и существ. У Кэтти-бри не было такой способности, но зато у нее на лбу на тонкой серебряной цепочке красовался зеленый камень, перечеркнутый черной полосой, – агат Кошачий Глаз. Его подарила ей сама Аластриэль. Благодаря наложенным на камень чарам его обладатель мог видеть в кромешной тьме так, как если бы стоял в открытом поле под усеянным звездами небом.

Друзья беспрепятственно шагали во мраке, но чувствовали себя неуютно. Они недоумевали, почему не горят факелы, и готовы были в любое мгновение выхватить оружие. Кэтти-бри вдруг пожалела, что не взяла с собой Тулмарил Харт-сикер, свой волшебный лук.

Внезапно послышался звук мощнейшего удара, и пол содрогнулся у них под ногами. Оба мгновенно пригнулись; скимитары оказались в руках Дриззта так быстро, что Кэтти-бри даже не успела заметить, как он их выхватил. Сначала она подумала, что это благодаря браслетам, но потом увидела, что Дриззт их Даже не надел. Она тоже достала из ножен

меч и глубоко вздохнула, мысленно ругая себя за тщеславную надежду, что скоро сравняется с этим прославленным воином в мастерстве. Но девушка тут же мотнула головой – сейчас не время об этом думать – и пристально вгляделась в изгибавшийся перед ними коридор. Они с Дриззтом плечо к плечу медленно пошли вперед, внимательно, всматриваясь в густую тьму, где могли прятаться недруги, и высматривая линии в стене, обозначавшие тайные ходы в боковые туннели. Таких в dwarфском комплексе было немало, потому что большинство маленьких бородачей, жадных по натуре, имели тайные сокровищницы, скрытые от чужих глаз. И Кэтти-бри, и Дриззт плохо знали эту редко посещаемую часть Мифрилового Зала.

Последовал новый удар, и пол снова содрогнулся, еще сильнее, значит, друзья подошли ближе к источнику звука. Кэтти-бри втайне порадовалась, что сам Дриззт До'Урден так много тренировал ее, а еще больше тому, что он был сейчас рядом.

Она остановилась, Дриззт тоже.

– Гвенвивар? – почти беззвучно предложила девушка, подразумевая верного друга дреу, громадную черную пантеру, которую он мог вызвать с Астрального уровня.

Дриззт на секунду задумался. Он старался пореже звать Гвенвивар, зная, что вскоре ему, возможно, придется часто пользоваться ее помощью. Силы волшебной пантеры были ограничены: она могла проводить на земном уровне только

несколько часов каждые два дня.

Дризт решил, что еще не время. Бруенор ведь не сказал, чем здесь занят Регис, к тому же он даже не заикнулся о возможной опасности. Дроу покачал головой, и они снова продолжили путь в полном молчании.

Раздался звук третьего удара, а за ним стон.

– ...Башкой, дурак ты набитый! – послышалось раздраженное ругательство. – Работай своей тупой башкой!

Дризт с Кэтти-бри тут же выпрямились и опустили оружие.

– Пвент, – произнесли оба одновременно, имея в виду Тиббледорфа Пвента, неистового берсерка, самого невыносимого и дурно пахнущего из всех дварфов к югу от Хребта Мира (да и к северу, пожалуй, тоже).

– А потом тебе понадобится чертов шлем? – не умолкал поток брани.

За следующим поворотом туннель разветвлялся на два. В левом яростно ревел Пвент; а правый перекрывала дверь, сквозь многочисленные щели которой сочился свет факелов, горевших по ту сторону. Дризт недоуменно склонил голову, услышав оттуда такое знакомое, хоть и очень тихое хихиканье.

Он махнул рукой Кэтти-бри и вошел в дверь, не постучав. Там у левой стены в одиночестве стоял халфлинг. При виде друзей его лицо озарилось улыбкой, и он высоко поднял пухлую ручку, приветствуя их, – относительно высоко, потому

что Регис был очень маленьким, даже по меркам халфлингов, и от пяток до макушки в нем укладывалось всего три фута. Его объемистый животик, кажется, уменьшился за последнее время, словно и ленивый халфлинг весьма серьезно отнесся к возможности нападения на место, заменившее ему дом.

Он приложил палец к губам и показал на «дверь» рядом с собой. Друзья почти сразу сообразили, что здесь происходило. Халфлинг держался за рукоять механизма, управлявшего толстым листом металла, который ездил по полозьям над и под дверью. Сейчас деревянная дверь почти целиком скрылась за металлическим листом.

– Пошел! – прогремела команда с той стороны, слышался тяжелый частый топот и воинственный рев, потом чудовищный удар налетевшего на укрепленную дверь дварфа, тут же, само собой, отлетевшего от нее.

– Берсерк уроки дает, – невозмутимо объяснил Редкие.

Кэтти-бри, скривившись, взглянула на Дриззта, вспомнив, что говорил ей отец о планах берсерка.

– Отряд «Веселые мясники», – бросила она, и Дриззт понимающе кивнул, потому что Бруенор и ему говорил о том, что Тиббледорф Пвент решил научить нескольких дварфов нелегкому искусству быть берсерком и создал свой собственный отряд, который состоял из неудержимых, бешеных, но не блиставших умом солдат.

В укрепленную дверь врезался следующий, судя по всему

головой, и Дриззт понял, каким образом Пвент решил воспитать в своих подопечных третье качество настоящего берсерка.

Кэтти-бри только вздохнула. Она ничуть не сомневалась в бойцовой мощи подобного отряда, ведь в бою Пвент мог дать сто очков вперед любому, за исключением только Дриззта и, может быть, Бруенора, но при мысли о носящихся гурьбой подобиях Тиббледорфа Пвента ей стало нехорошо.

За дверью Пвент во всю бранил свое войско, осыпая их всевозможными ругательствами, большинство из которых прожившая двадцать лет с кланом Баттлхаммера Кэтти-бри даже не слыхала. Некоторые, особо забористые, Пвент, похоже, придумывал на ходу.

– Мы отправляемся в Сеттлстоун, – обратился к Регису Дриззт; ему вдруг очень захотелось поскорее уйти отсюда. – Берктгар упрямится.

Регис кивнул:

– Я там был, когда он потребовал у Бруенора молот. – На миловидном личике халфлинга появилась обычная задумчивая улыбка. – Мне показалось, что Бруенор сейчас разрубит его пополам!

– Берктгар нужен нам, – вмешалась Кэтти-бри. Регис только отмахнулся.

– Чушь! – уверенно объявил он. – Это мы нужны Берктгару, и если он повернется спиной к дварфам, его собственный народ этого не потерпит, потому что они умеют помнить

добро.

– Нет, Бруенор не убил бы его, – возразил Дриззт, однако несколько неуверенно.

Все трое умолкли и посмотрели друг на друга, одновременно подумав о том, что Бруенор снова стал прежним неукротимым королем. Они вспомнили и о Эйджис-фанге, молоте, которому не было равных по красоте и мощи. На нем были вырезаны священные руны дварфских богов: на одной стороне – молот и наковальня Моррадина, бога кузнецов, на другой – скрещенные секиры Клаштедона, бога войны, а остальное пространство было сплошь покрыто изображениями драгоценных камней внутри горы, символа Думатона, Хранителя Тайн. Бруенор считался одним из первых кузнецов среди дварфов, но после того, как он создал Эйджис-фанг, лучшее из своих творений, почти не появлялся в кузне.

Они вспомнили о Эйджис-фанге и о Вулфгаре, высоком светловолосом юноше, который был дварфу как сын и для которого Бруенор сделал великолепный молот.

– Бруенор действительно мог бы убить его, – произнесла Кэтти-бри, проговорив вслух то, что подумали остальные.

Дриззт хотел было что-то возразить, но Регис остановил его, подняв палец кверху.

– ...А теперь голову наклони! – рявкнул Пвент по ту сторону двери.

Регис улыбнулся и кивнул, чтобы дроу продолжал.

– Мы подумали, может, ты...

Донесся новый звук удара, потом опять стон и достаточно явственное шлепанье губами: очевидно, будущий берсерк ожесточенно тряс головой после неудачного наскока на преграду.

– С возвращением! – заорал Пвент. Кэтти-бри передернуло от отвращения.

– Мы подумали, ты мог бы пойти с нами, – продолжал Дризт.

Регис на секунду задумался. Наверное, халфлинг хотел бы выбраться из рудников и погреться на солнышке, хоть лето уже закончилось и воздух был по-осеннему прохладным.

– Нет, я должен остаться здесь, – наконец ответил он с несвойственной ему ответственностью. – Дел много.

Дризт с Кэтти-бри не стали спорить. Регис сильно изменился с тех пор, как настали" тяжелые времена. Когда Дризт и Кэтти-бри отправились в Мензоберранзан – Дризт в надежде отвести опасность от Мифрилового Зала, а Кэтти-бри на его поиски, – Регис вместо сломленного горем Бруенора принял руководство подготовкой к войне на себя.

Тот самый Регис, которого прежде больше всего волновало, где бы найти постельку помягче да обед повкуснее, своей кипучей энергией и целеустремленностью поразил издавших виды дварфов, и даже Тиббледорфа Пвента. Вот и теперь друзья понимали, что халфлинг очень хотел бы пойти с ними, но дело – прежде всего.

Дризт пристально поглядел на халфлинга, не зная, как обратиться к нему с просьбой. Но, к его изумлению, Регис все понял без слов и тотчас же потянулся к цепочке на шее, на которой висела рубиновая подвеска, снял ее и небрежно бросил Дризту.

Еще одно подтверждение тому, что халфлинг сильно изменился, подумал дроу, глядя на сверкающий рубин. Эту вещь, которую Регис когда-то стащил у главы Гильдии Воров в далеком Калимпорте, он ценил превыше всего, в ней была заключена огромная волшебная сила. И до сих пор халфлинг берег и лелеял ее, как львица своего детеныша.

Дризт не отрывал взгляда от драгоценного камня и чувствовал, как бесчисленные сияющие грани увлекают его, уводя по спирали в глубины, обещавшие...

Дроу встряхнул головой и с усилием отвел взгляд. Даже сейчас, когда ничья воля не управляла камнем, он имел такую власть! Дроу никогда не сталкивался с более сильными чарами. И, несмотря на это, Джарлаксл добровольно вернул ему подвеску, когда после побега Дризта из Мензоберран-зана встретился с ним в туннелях вдали от города. Поступок наемника был неожиданным, но, зачем он это сделал, Дризт так и не понял.

– Но будь осторожен, если решишь использовать его, чтобы убедить Берктгара, – предупредил Регис, отрывая Дризта от размышлений. – Он гордый, и, если поймет, что вы воспользовались волшебством, союз действительно разва-

лится.

– Это точно, – согласилась Кэтти-бри и взглянула на Дриззта.

– Я им воспользуюсь только в случае крайней необходимости, – пообещал Дриззт, надевая цепочку на шею. Теперь подвеска висела рядом с головой единорога из слоновой кости, символом его богини.

Еще один дварф сделал попытку взять дверь штурмом, отлетел от нее и застонал, свалившись на пол.

– Пф! – презрительно фыркнул Пвент. – Да вы просто горстка сосунков. Я вам покажу, как это делается!

Регис кивнул – это был условный знак – и немедленно начал крутить рукоять, поднимая металлическую пластину.

– Будьте осторожны, – предупредил он своих товарищей, поскольку они стояли как раз там, куда мог ввалиться Пвент.

– Я ухожу, – заявила Кэтти-бри, направляясь к другой двери. У нее не было ни малейшего желания встречаться с Пвентом. Он, скорее всего, ущипнул бы ее за щеку, как обычно, и посоветовал бы «постараться» отрастить бороду, чтобы стать настоящей дварфской красавицей.

Дриззта не нужно было уговаривать. Он сжал рубин, с благодарностью взглянул на Региса и поспешил вслед за Кэтти-бри.

Пройдя всего несколько шагов, они услышали, как разлетелась в щепки «учебная» дверь, затем послышался торжествующий смех Пвента и восторженные «ох» и «ах» наивных

солдат отряда «Веселые мясники».

— Надо бы заслать побольше таких в Мензоберранзан, — с кислой гримасой сказала девушка. — Пвенту под силу загнать все его население на край света!

И Дризт, знакомый с самыми сильными семействами дроу, видевший гнев верховных жриц и проявления необыкновенных сверхъестественных возможностей, ничего равного которым не было на поверхности, согласился с ней.

* * *

Советник Фербл, чувствуя себя не слишком удобно в свете факелов, провел морщинистой рукой по почти лысой макушке. Свирф (иначе глубинный гном) Фербл был ростом всего три с половиной фута, но его крепкое тело состояло почти — из одних мускулов. Немногие из народов Подземья были так приспособлены к жизни в этом мире без света, и никто не понимал и не чувствовал залегавшие на глубине породы так хорошо.

И все же здесь, в пустых (хотелось бы верить!) коридорах за границами Блингденстоуна, своего родного города, Ферблу было не по себе. Он терпеть не мог света факелов, да и вообще любого света, но приказ короля Шниктика был недвусмыслен и обсуждению не подлежал: ни одному гному не позволялось выходить в туннели без зажженного факела.

За единственным исключением. У товарища Фербла фа-

кела не было, потому что у него не было Рук. Белвар Диссен-галып, Высокочтимый Хранитель Туннелей Блингденстоуна, потерял руки много лет назад из-за Дайнина, брата Дриззта До'Урдена. Но в отличие от других народов Подземья свирфам было ведомо сострадание, и вместо утраченных конечностей ремесленники Блингденстоуна сделали несчастному прекрасные «протезы» из чистого зачарованного мифрила: молот на правую руку и киркомотыгу на левую.

– Полный круг прошли мы! – объявил Фербл. – И в Блингденстоун возвращаться пора!

– Нет пока, – проворчал Белвар. Голос у него был грубее и ниже, чем у большинства свирфов, и хорошо подходил к его коренастой широкоплечей фигуре.

– Дроу в туннелях нет, – стоял на своем Фербл. – За три недели ни одного сражения.

В действительности так оно и было: многие месяцы дроу вступали в столкновения со свирфами в непосредственной близости от Блингденстоуна, но теперь туннели были необычно пусты. Белвар понимал, что эта перемена как-то связана с его другом, Дриззтом, и боялся, что тот, возможно, попал в плен или убит.

– Тихо всё, – приглушенно сказал Фербл, как будто испугался, что громкий голос может его выдать. Мурашки пробежали у него по спине. Это Белвар заставил его идти сюда, хотя и была его очередь делать обход, обычно таких опытных и почтенных персон, как Фербл, освобождали от обязанно-

стей дозорных. Но Белвар настоял, и по какой-то непонятной причине король Шниктик пошел навстречу Высокочтимому Хранителю.

Хотя нельзя сказать, что Фербл плохо знал туннели. Как раз наоборот, он единственный из гномов Блингденстоуна имел знакомства в Мензоберранзане и изучил туннели во-круг города дроу лучше любого глубинного гнома. Это сомнительное преимущество доставляло Ферблу множество неудобств. Когда свирфы захватили переодетую Кэтти-бри, но потом поняли, что она не враг им, Ферблу, рискуя собственной жизнью, пришлось показывать ей кратчайший тайный путь в Мензоберранзан.

Вот и теперь Фербл понимал, что Белвара волнует совсем не присутствие дроу в туннелях. Здесь все было спокойно. Патрули и другая тайная охрана не обнаружили никаких следов темных эльфов даже ближе к Мензоберранзану, на их обычных маршрутах. В городе дроу произошло нечто особенное, это ясно, и, похоже, также, что Дриззт и Кэтти-бри, стоившая гномам стольких хлопот, причастны к этому. Поэтому-то Белвар и вывел Фербла сюда, и Советника передернуло при мысли, что король Шниктик с такой готовностью согласился с Белваром.

– Что-то случилось, – сказал Белвар, неожиданно раскрывая карты, словно понял, о чем размышлял Фербл. – Я имею в виду – в Мензоберранзане.

Фербл посмотрел на Высокочтимого Хранителя с подо-

зрением. Он догадывался, о чем его вскорости попросят, догадывался, что ему скоро снова придется иметь дело с этим мошенником Джарлаксом.

– Даже в камнях ощущается напряжение, – продолжал Белвар.

– Как будто дроу скоро выступят в поход, – сухо добавил Фербл.

– *Козим камман деноктусд*, – согласился Белвар. На древнем языке свирфов это означало: «Земля замерла перед землетрясением», что соответствовало выражению: «Затишье перед бурей», употреблявшемуся жителями поверхности.

– Чтобы встретился я с моим осведомителем-дроу, желает король Шниктик, – рассудил Фербл, решив, что больше нет смысла ходить вокруг да около. Вряд ли его предположение сильно разойдется с тем, что хотел ему предложить Белвар.

– *Козим камман деноктусд*, – повторил Белвар с еще большей уверенностью.

И он, и король Шниктик, и многие другие в Блингденстоуне не сомневались, что дроу скоро приведут в движение большие силы. Несмотря на то что туннели, ведущие на поверхность кратчайшим путем, находились к востоку от Блингденстоуна, за Мензоберранзаном, дроу сначала придется идти на запад, а значит, они окажутся в опасной близости от города гномов. Эта перспектива беспокоила свирфов, и король Шниктик даже отправил разведывательные отряды далеко на восток и на юг, куда они раньше никогда не за-

бিরались. Поговаривали, что, если опасения подтвердятся и найдется новое место для проживания, всем придется оставить Блингденстоун. Конечно, никто этого не хотел, а Фербл и Белвар, пожалуй, меньше всех. Оба были уже стары, оба доживали второй век, и оба и душой, и сердцем были привязаны к родному городу.

Но они также очень хорошо понимали весь ужас нашего существования, понимали, что, если армия темных эльфов подойдет близко к Блингденстоуну, все свирфы будут уничтожены.

– Встречу назначу я, – сказал Фербл со вздохом. – Он мало что скажет мне, даже не сомневаюсь. Он всегда говорит мало, но цена высока!

Белвар промолчал, однако его не очень беспокоила цена, которую придется заплатить жадному осведомителю. Высокочтимый Хранитель Туннелей понимал, что за незнание придется платить гораздо больше. Он также знал, что Фербл и сам это понимает и что его покорное подчинение всего лишь поза. Белвар хорошо изучил Советника, и он ему нравился, несмотря на постоянные жалобы.

А теперь Белвару, как и всем свирфам, позарез нужны были и Фербл, и его связи.

Глава 3

Как Дети

Дризт и Кэтти-бри неслись вниз по каменистой дорожке, легко и весело, словно играющие дети, огибая и перескакивая валуны. Перемахивая скальные трещины и разломы, хватаясь за нижние ветви невысоких деревьев и с разлету мчась дальше, они незаметно стали соревноваться. Они прибежали в небольшую низину, перескочили крохотное озерцо (Кэтти-бри немного промочила ноги), потом разбежались, огибая большой каменный выступ чуть выше их роста. Кэтти-бри бросилась направо, а Дризт налево, но в ту же секунду передумал и ринулся на само препятствие.

Кэтти-бри выскочила из-за скалы, радуясь, что обогнала друу.

– Я первая! – крикнула она, но в то же мгновение над ее головой пролетела темная тень ее друга.

– Не совсем! – возразил Дризт, приземляясь так легко, как будто сделал шаг, а не прыжок.

Кэтти-бри вскрикнула от досады и снова пустилась бежать, но тут же остановилась, увидев, что Дризт стоит на месте.

– Уж больно день хорош, – сказал темный эльф. День и правда был чудесным, такие бывают только у южных отрогов Хребта Мира в начале осени: бодрящий сухой воздух, про-

хладный ветер, гнавший по ослепительно яркому голубому небу пухлые, похожие на громадные снежки облака.

– Слишком хороший, чтобы препираться с Берктгаром, – добавила Кэтти-бри, не совсем поняв Дриззта. Она наклонилась, опершись о колени руками и качая головой, стараясь отдышаться.

– Слишком хороший, чтобы не позвать Гвенвивар! – весело закончил Дриззт.

Кэтти-бри с радостной улыбкой наблюдала, как он вынимает из заплечного мешка ониксовую фигурку пантеры. Пожалуй, более прекрасной вещицы девушка никогда не видела. Статуэтка очень точно передавала мускулистое тело большой кошки и умное выражение ее морды. Но величие изделия затмевалось видом чудесного создания, которое можно было вызвать с ее помощью.

Дроу осторожно поставил фигурку на землю перед собой и тихонько позвал:

– Иди ко мне, Гвенвивар!

Видимо, пантере самой хотелось поскорее присоединиться к ним, потому что над статуэткой почти в тот же миг за клубился, сгустился и принял очертания пантеры серый туман.

Словно поняв по тону Дриззта, что опасности нет и ее вызывают для совместной прогулки, громадная кошка материализовалась в ленивой позе, со стоящими торчком ушами.

– Мы бежим наперегонки в Сеттлстоун, – объяснил Дриз-

зт. – Поспеешь за нами?

Пантера мигом все поняла. Легко оттолкнувшись мощными задними лапами, она перемахнула через голову Кэтти-бри, взмыв на вершину двадцатифутового скального выступа, который друзья только что обежали. На плоской вершине она повернулась и от восторга встала на задние лапы. Сердца обоих товарищей бешено забились. В Гвенвивар было весу шестьсот фунтов, ростом она вдвое превосходила обычную пантеру, голова по величине равна была ширине плеч Дриззта, а лапой она могла полностью накрыть лицо человека. При этом в ее сияющих зеленых глазах светился разум, не свойственный ни одному зверю. Более надежного товарища было не сыскать, преданность пантеры была безусловной, и всякий раз, как Дриззт, Кэтти-бри, Бруенор или Регис видели гигантскую кошку, у них теплело на сердце.

– Думаю, стоит поторопиться, – с плутоватой улыбкой прошептала Кэтти-бри.

Дриззт незаметно кивнул, и оба сорвались с места и понеслись вниз по каменистой тропинке. Через пару секунд до них донесся рык Гвенвивар, все еще стоявшей на вершине скалы. Дорожка была сравнительно широкой, и Дриззт чуть обогнал девушку. Но юную и сильную Кэтти-бри, обладавшую сердцем, которое скорее могло бы биться в груди стойкого дварфа, непросто было заставить уступить.

– Тебе не удастся меня победить! – выкрикнула она, но Дриззт только рассмеялся. Однако он перестал смеяться, ко-

гда обогнул поворот и обнаружил, что упрямая и смелая девушка срезала путь, промчавшись по осыпи из больших валунов, и неожиданно оказалась впереди.

Теперь борьба шла всерьез. Дризт пригнулся и пустился бежать во всю прыть, так безоглядно несясь вперед, что чуть не врезался головой в дерево. Они бежали шаг в шаг с Кэтти-бри, но девушка не уступала первенства.

Снова послышался рык Гвенвивар со скалы, и оба почувствовали, что кошка насмехается над ними.

Не прошло и пары секунд, как пантера оттолкнулась от каменного выступа рядом с Дризтом и черной молнией пронеслась над ним. Гвенвивар приземлилась поперек тропинки как раз между двумя товарищами и так быстро и беззвучно обошла Кэтти-бри, что девушка не сразу поняла, что она уже не первая.

Чуть позже Гвенвивар снова пропустила ее вперед, а Дризт, чуть сократив путь, обогнал их, но пантера тут же снова обошла его. Так они и бежали: Кэтти-бри и Дризт изо всех сил, а Гвенвивар забавляясь.

Когда они решили остановиться перекусить на небольшой полянке, защищенной с севера и востока высокими скалами и почти смыкавшимся с ними отвесным кряжем, Кэтти-бри и Дризт совсем выдохлись, а у Гвенвивар даже дыхание не участилось. На полянке лежало несколько валунов, на которых можно было присесть и отдохнуть, а между ними из небольших камней был выложен круг для костра. Именно

здесь и делал обычно привал любивший странствовать дроу.

Пока Дризт разводил костерок, девушка отдыхала. Далеко внизу она заметила серые дымы, поднимавшиеся в небо над крышами домов Сеттлстоуна. Этот вид подействовал на Кэтти-бри, проведшую все утро в легкомысленных забавах, отрезвляюще, напомнив о серьезности ее задачи и сложившегося положения. Кто знает, как далеко им с Дризтом и Гвенвивар придется бежать, если придут темные эльфы?

Глядя на дымы, Кэтти-бри также вспомнила и о человеке, который привел закаленных варваров сюда из Долины Ледяного Ветра, о том, кто должен был стать ей мужем. Вулфгар погиб в тисках йоклол, служанки злобной Ллос, пытаясь спасти Кэтти-бри. И она, и Дризт были в какой-то мере ответственны за его смерть, но чувство вины больше не терзало их. Дризт тоже заметил дымы над крышами и теперь смотрел вниз и размышлял, на минуту позабыв о костре.

Ни дроу, ни девушка больше не улыбались, вспоминая, как они устраивали такие же гонки с Вулфгаром, а юный варвар делал громадные прыжки, поскольку не мог протиснуться в просветы между камнями, куда его более юркие товарищи проскакивали, даже не сбавляя скорости.

– Как жаль... – начала Кэтти-бри, и Дризт подумал о том же.

– Если война все же начнется, было бы лучше, если бы во главе жителей Сеттлстоуна стоял Вулфгар, сын Беорнегара, – сказал он, и оба подумали о том, что все вообще было бы

лучше, если бы юный варвар остался в живых.

Ну вот. Говорить больше было не о чем, и они поели в молчании. Даже Гвенвивар лежала неподвижно и не издала ни звука.

Кэтти-бри унеслась мыслями в Долину Ледяного Ветра, к скалистой Горе Кельвина, одиноко возвышавшейся над плоской тундрой. Там было так же хорошо, как здесь. Может, чуть прохладнее, но в воздухе чувствовались такая же чистота и бодрящий холодок. Надо же, как далеко она, Дриз-зт, Гвенвивар, Бруенор, Регис и, конечно, Вулфгар ушли! А ведь прошло совсем немного времени. Времени, заполненного приключениями, восторгами, страхами и славными свершениями. Вместе они были непобедимы.

Так им казалось.

Кэтти-бри испытала столько, сколько иной человек за целую жизнь, а ведь ей было немногим больше двадцати лет. Она стремительно мчалась по жизни, как по каменистой горной тропке, свободная и полная воодушевления, беззаботно перескакивая пропасти, чувствуя себя бессмертной.

Почти.

Глава 4

Что-то будет

«Заговор?» – Пальцы дроу мелькали, передавая разнообразные затейливые комбинации языка жестов, используемого темными эльфами. Этот язык был таким сложным, что почти все слова обычной речи имели в нем свои соответствия.

Джарлаксл отрицательно качнул головой. Он вздохнул. Казалось, главарь наемников был и вправду озадачен – а такое с ним редко случалось – и знаком показал своему подчиненному, что стоит пройти в более неприметное место.

Они шли по широким извилистым улицам Мензоберранзана, пересекали открытые площадки между гигантскими сталагмитами, служившими жилищами для многочисленных семейств дроу. Эти сталагмиты, полые, как и многочисленные сталактиты, свисавшие со свода громадной пещеры, были соединены переходами и снабжены просторными балконами. Группы каменных образований, находившихся на территории одной семьи, часто были соединены мостами, как правило в виде паутины. И во всех дворцах, особенно тех, которые принадлежали старым и наиболее почитаемым семьям, самые красивые наружные украшения были подсвечены волшебными феерическими огнями, как правило фиолетовыми и синими, иногда красными, изредка – зелеными. Мензоберранзан был великолепнейшим из всех городов

дроу, он казался почти нереальным, от его красоты захватывало дух, и несведущий посетитель (хотя он вряд ли долго оставался бы в неведении... и в живых!) вряд ли поверил бы, что творцы этого чуда были одним из самых злобных народов мира.

Теперь Джарлаксл неслышно шагал по темным узким улицам той части города, где располагались жилища более скромных семей. Он внимательно смотрел вперед и по сторонам, и его острый глаз (сегодня повязка прикрывала правый) примечал малейшее движение в самых темных углах.

Поэтому главарь наемников несказанно удивился, когда, оглянувшись назад, обнаружил за своей спиной не Мтара, лейтенанта Бреган Д'эрт, сопровождавшего его, а другого, весьма могущественного дроу.

Джарлаксла почти невозможно было выбить из колеи, но, так неожиданно повстречавшись с Громфом Бэнром, старшим сыном Матери Бэнр и Архимагом Мензоберранзана, он не сразу нашелся что сказать.

– Надеюсь, Мтар вернется ко мне, когда наша встреча закончится, – сказал Джарлаксл, быстро обретя присутствие духа.

Архимаг молча повел рукой, и в воздухе, на высоте нескольких футов над землей, возник мерцающий зеленый шар. От него отходил тонкий серебряный шнур, одним концом почти касавшийся пола.

Джарлаксл пожал плечами и взялся за шнур; в тот же миг

его втянуло в шар, за мерцающей поверхностью которого находился вход в межуровневое пространство.

Здесь его взгляду открылось не обычное в таких случаях пустое помещение, а роскошно обставленная гостиная, ошеломляющее впечатление дополнялось слугой-зомби, бросившимся к Джарлакслу с бокалами превосходного вина, даже не дав ему сесть. Через мгновение глаза наемника перестроились на обычный диапазон спектра, поскольку комната была залита мягким голубым светом. В жилищах волшебников это было обычным делом; даже маги-дроу, привычные к мраку Подземья, не могли читать в темноте свои свитки и сборники заклинаний.

– Он вернется, если, конечно, в течение того времени, что понадобится нам для разговора, ему удастся остаться в живых там, куда я его отправил, – ответил Громф.

Видно было, что вошедшего вслед за Джарлаксом мага не слишком заботила судьба бедняги. Бэнр прикрыл глаза и прошептал какое-то слово, в результате чего его пивафви и неброская одежда превратились в другие одеяния, более соответствовавшие великолепию окружения. Свободно спадавшая мантия со множеством карманов была украшена таинственными знаками власти. Все они светились магическим светом, как и архитектурные детали дворцов, хотя Архимаг мог погасить его мысленным приказом, и тогда мантия скрывала его лучше всякого пивафви. Ворот украшали две застёжки: одна в виде паука с красным телом и черными

лапками, другая – сияющий зеленый рубин, хотя Джарлаксл не мог их как следует разглядеть, поскольку длинные белые волосы мага, рассыпавшиеся по плечам, почти скрывали их.

Наемник, которого чрезвычайно интересовали всякие магические штучки, видел эти застежки еще на предшественнике Громфа, хотя Бэнр занимал эту должность столько, сколько помнил себя любой из жителей Мензоберранзана. При помощи силы, заключенной в броши-пауке, Архимаг наполнял волшебным теплом Нарбондель, колонну, игравшую в Мензоберранзане роль часов. Магический жар достигал вершины колонны через двенадцать часов, а потом опускался к подножию за такое же время, после чего камень снова становился холодным. Для чувствительных к тепловому излучению глаз дроу такие часы были весьма удобны.

Другая застежка наделяла Громфа вечной молодостью. Джарлаксл прикинул, что ему должно было уже исполниться семьсот лет, и при этом маг выглядел таким юным, словно только готовился поступать в Академию!

Но впечатление было обманчивым, решил про себя Джарлаксл, внимательно вглядываясь в чародея. Громф был окружен аурой власти и достоинства, в его глазах отражались мудрость уроков долгой жизни, подчас горьких. Он был хитер и опасен, способен в мгновение ока оценить любую ситуацию, и, если говорить откровенно, с ним Джарлаксл чувствовал себя еще неуютнее, чем стоя перед самой Матерью Бэнр.

– Так что же заговор? – вслух спросил Громф. – Может, другие семейства уже сыты по горло моей матушкой и объединились против Дома Бэнр?

– Я уже предоставил полный отчет Матери...

– Я не пропустил ни слова, – нетерпеливо оборвал его Громф. – Но я хочу знать правду.

– Правду, – повторил Джарлаксл, лукаво улыбнувшись, поскольку понял, что Громф не на шутку обеспокоен. – Правда – это вещь интересная.

– И очень редкая, – согласился Громф. Он снова стал невозмутимым и, соединив перед собой пальцы рук, вольно откинулся в кресле. – Однако именно она, случается, спасает жизнь глупцам, сующим свой нос в чужие дела.

Улыбка тут же пропала с лица Джарлаксла. Он пристально смотрел в лицо Громфу, пораженный смелостью столь откровенной угрозы. Громф обладал очень большой властью, – по меркам Мензоберранзана, Архимаг достиг высот, вообще возможных для мужчины. Но для Джарлаксла мерки Мензоберранзана ничего не значили, а маг отважился угрожать ему...

Однако еще более Джарлаксл удивился тому, что Громф, могущественный Громф Бэнр, был не просто взволнован. Он был по-настоящему напуган.

– Я не стану затруднять тебя напоминанием о том, чего стоит этот самый «глупец», – сказал Джарлаксл.

– Да уж избавь.

Джарлаксл расхохотался ему в лицо.

Громф поднес руки к губам, от этого движения распахнулась его мантия, открывая две волшебные палочки за его поясом.

– Нет никакого заговора, – внезапно и жестко произнес наемник.

– Правду! – угрожающим тихим голосом сказал Громф.

– Это правда, – совершенно откровенно подтвердил Джарлаксл. Вряд ли когда-нибудь он говорил так откровенно. – Я не меньше тебя заинтересован в существовании Дома Бэнр, Архимаг. Если бы менее знатные Дома вступили в сговор против Первого Дома или собственные дочери задумали сместить Бэнр, Бреган Д'эрт стала бы на ее сторону, по крайней мере мы дали бы ей знать о готовящемся ударе.

Лицо Громфа приняло озабоченное выражение. Но Джарлаксла больше всего поразило, что старший сын Дома Бэнр как будто не заметил его вопиющего (и намеренного) промаха, когда наемник назвал Мать Бэнр просто «Бэнр». Подобные ошибки обычно стоили дору – а мужчинам в особенности – жизни.

– Тогда что же? – спросил Громф, и тон его вопроса, прозвучавшего почти как мольба, поверг Джарлаксла в совершенную растерянность. Он никогда раньше не видел Архимага в таком состоянии и никогда не думал, что такое возможно. – Ты же сам чувствуешь! – выкрикнул Громф. – Это просто носится в воздухе!

Джарлаксл тянул паузу и просто согласно кивал – ему не хотелось делиться с Громфом своими опасениями. Он только заметил:

– Часовня повреждена.

Архимаг скривился. Громадная сводчатая часовня Дома Бэнр была священным местом для всего города, главным святилищем Ллос. Отступник Дризт До'Урден и его друзья, разрушившие купол часовни, все равно что дали пощечину самой богине.

– Паучья Королева гневается, – заметил Громф.

– Как я ее понимаю! – согласился Джарлаксл.

Громф бросил на невоздержанного на язык наемника разъяренный взгляд. Но Джарлаксл понял, что разгневало его не оскорбительное замечание в адрес Ллос, а всего лишь легкомысленный тон.

В ответ на тяжелый взгляд Архимага наемник лишь ухмыльнулся, и тогда Громф вскочил с кресла и стал метаться по комнате, как зверь в клетке. Слуга-зомби, не умевший мыслить и запрограммированный только на определенные действия, бросился к нему с напитками.

Громф взвыл и вскинул руку, на ладони которой появился пламенеющий шар. Другой рукой Громф кинул внутрь шара что-то маленькое, красное, похожее на чешуйку и начал зловеще нараспев произносить заклинание.

Джарлаксл терпеливо наблюдал, как Громф дает выход своей досаде, про себя надеясь, что удар будет направлен на

зомби, а не на него.

Из руки Громфа вырвался язык пламени. Неторопливо, но неуклонно, как змея, уже парализовавшая жертву ядом, пламя обвилось вокруг слуги, который, естественно, не шевелился и не просил пощады. За какие-то секунды огненная змея целиком обвила его. Громф снова непринужденно опустился в кресло, а похожий на ходячий факел зомби вернулся в угол комнаты и встал там навтыжку. Однако вскоре он осел, потому что одну из его ног сожрало пламя.

– Это запах... – Джарлаксл, брезгливо сморщившись, прикрыл нос рукой.

– ...власти! – закончил Громф начатую фразу, сузив красные глаза и раздувая ноздри красивого тонкого носа. Маг сделал глубокий вдох, втягивая в себя запах горячей человеческой плоти.

– Совсем не Ллос нагнетает зловещие предчувствия, – внезапно заявил Джарлаксл. Ему вдруг захотелось согнать с раздосадованного Громфа спесь, поскорее покончить с разговором и убраться отсюда.

– Что тебе известно? – разом напрягся Громф.

– Не больше, чем тебе, – ответил Джарлаксл. – Вполне возможно, что Ллос разгневана бегством Дриззта и уроном, нанесенным часовне. Ведь ты лучше других понимаешь, какое значение имеет это святилище.

В ответ на хитрый тон наемника ноздри мага снова затрепетали. Джарлаксл намеренно задел больное место, ахилле-

сову пяту неуязвимого Архимага. Громф создал самое величественное из украшений часовни, гигантский иллюзорный мерцающий образ, паривший над центральным алтарем. Он беспрестанно менялся, принимая то обличье прекрасной женщины-дроу, то громадного паука. В Мензоберранзане ни для кого не было секретом, что Громф вовсе не принадлежал к наиболее преданным поклонникам Ллос и, создав этот образ, он всего лишь избавился от беспощадного гнева своей матери.

– Но вряд ли Ллос – единственная причина, слишком уж много других происшествий, – продолжал Джарлаксл, насладившись мелкой победой. – И большинство из них, как мы видим, подрывают ее власть.

– Божество – соперник? – предположил Громф, видимо выдав больше, чем намеревался. – Или тайный бунт? – Маг откинулся назад, полагая, что поймал какую-то ниточку, думая, что о подобном восстании главарю наемников уж точно что-то должно быть известно.

Но Джарлаксл действительно не знал, имеет ли хоть одна из догадок Громфа под собой основание, так что припертым к стенке он себя не почувствовал.

– Нечто, – только и ответил наемник. – Нечто несущее опасность для всех нас. Уже больше двадцати лет то один, то другой Дом переоценивают важность поимки предателя, и поэтому его значение непомерно возросло, а отсюда и умножились неприятности, которые он вызывает.

– Так ты полагаешь, что все это как-то связано с бегством Дризта, – задумчиво произнес Громф.

– Я полагаю, что многие Матери так считают, – быстро ответил Джарлаксл. – И поэтому его побег действительно сыграл свою роль в том, что на нас надвигается. Но я не говорил и на самом деле не думаю, что твои нехорошие предчувствия связаны с побегом предателя из Дома Бэнр.

Громф закрыл глаза, обдумывая сказанное. Джарлаксл, конечно, прав. Мензоберранзан настолько погряз в своих интригах, что правда значила здесь меньше, чем подозрение. Подозрение зачастую оправдывалось и превращалось в пророчество и, таким образом, становилось отцом правды.

– Вероятно, я захочу еще раз переговорить с тобой, наемник, – негромко произнес Громф, и Джарлаксл посмотрел на дверь. Рядом с ней все еще горел зомби, уже превратившийся в кучу почерневших костей.

Джарлаксл направился к выходу.

– Увы, – с притворной скорбью сказал Громф, и наемник остановился. – Мтар не выжил.

– Тем хуже для него, – бросил Джарлаксл, не желая, чтобы маг решил, будто смерть одного члена может нанести ущерб Бреган Д'эрт.

Джарлаксл вышел, спустился по веревке и незаметно скользнул в тень, обдумывая все, что случилось. Он редко разговаривал с Громфом, а еще реже Громф давал аудиенцию таким необычным способом. Одно это уже было значи-

тельно. Здесь творится нечто странное, что-то действительно носится в воздухе. Джарлаксл любил хаос (в основном за то, что из вихря всеобщей неразберихи он выбирался победителем) и теперь был заинтригован. Но еще больше его удивило то, что Громф, несмотря на все его страхи и возможность многое потерять, тоже был заинтригован!

Архимаг подтвердил это, раскрыл все карты, упомянув божество-соперника. Бэнр был прожженным негодяем, несмотря на то, что занимал такое высокое место в иерархии Мензоберранзана.

Неверно, мысленно возразил Джарлаксл сам себе. Несмотря, а именно поэтому. За много веков Громф ожесточился; с той высоты, куда он вознесся, даже положение Архимага казалось не таким уж важным, потому что это был крайний предел для мужчины.

Наиболее уязвимой стороной жизни в обществе друу было даже не соперничество Домов, а жесткая система матриархата, установленная последовательницами Ллос. Половина населения города находилась в приниженном положении только из-за того, что родились мужчинами.

Они были рабами женщин с рождения.

А порабощение неизбежно рождало ожесточение, даже в таких, — особенно в таких! — кто достиг столь многого, как Громф. С высоты своего положения он отчетливо видел, насколько выше мог бы подняться, если бы всего лишь обладал иными половыми признаками.

Громф дал понять, что он, вероятно, еще раз побеседует с Джарлаксом; у наемника возникло ощущение, что они с магом и впрямь будут встречаться, и наверняка часто. Шагая дальше, он раздумывал, что именно Громф вытянет из бедняги Мтара, поскольку не сомневался, что лейтенант все не погиб, хотя, возможно, пленнику придется пожалеть об этом.

Джарлаксл тут же посмеялся над собственной, глупостью. Он говорил с Громфом правдиво, поэтому Мтар вряд ли сможет сообщить ему что-то новое. Наемник вздохнул. Он не привык говорить правду, он привык ступать, обходя пау-чыи сети.

Быстро отбросив эту мысль, Джарлаксл переключил свое внимание на город. Что-то в самом деле назревало. Джарлаксл, всю жизнь ходивший по краю, хорошо чувствовал это, да и Громф тоже. Очень скоро случится нечто важное, и наемнику необходимо было выяснить, какую выгоду он из этого извлечет, что бы ни произошло.

Глава 5

Вызов Брошен и Принят

Когда друзья спустились ниже по склону, Дризт подозвал Гвенвивар к себе. Пантера неподвижно уселась перед ним, ожидая, что ей скажут.

– Тебе стоило бы взять кошку с собой, – посоветовала Кэтти-бри, поняв намерение Дризта.

Варвары, несмотря на то, что оставили далеко позади свои жилища в тундре и обособленную от всего мира жизнь, по-прежнему настороженно относились к магии. Многие из людей Берктгара побаивались пантеры, да и сам Берктгар чувствовал себя неуютно.

– Довольно с них и того, что я явлюсь в их городок, – ответил Дризт.

Кэтти-бри нечего было возразить. Для северян зрелище темного эльфа, представителя народа, известного своим коварством и магическими способностями, было еще более неприятным, чем пантера.

– А все-таки Берктгару не повредило бы, если бы пантера ненадолго подмяла его под себя, – не преминула заметить девушка.

Дризт усмехнулся, представив, как удобно Гвенвивар разлеглась бы на спине гиганта, извивающегося под ней.

– Жители Сеттлстоуна привыкнут к ней, как привыкли и

ко мне, – сказал он. – Сама вспомни, сколько лет прошло, прежде чем Бруенор стал относиться к Гвенвивар спокойно.

Пантера негромко заворчала, словно понимала каждое слово.

– Годы здесь ни при чем, – возразила Кэтти-бри. – Это произошло после того, как Гвен несколько раз вызволила моего упрямого папочку из серьезных передряг!

Гвенвивар зарычала снова, и Кэтти-бри с Дзиртом от души посмеялись, вспомнив, как злился Бруенор. Однако веселье прекратилось, когда Дризт достал статуэтку и помахал пантере на прощание, пообещав, что снова позовет ее на обратном пути в Мифриловый Зал.

Огромная пантера, глухо урча, кругами ходила вокруг статуэтки. Ворчание становилось все тише, и Гвенвивар превратилась в серый туман, который вскоре рассеялся.

Дризт подхватил статуэтку и взглянул на крыши Сеттлстоуна.

– Ты готова? – обратился он к своей подруге.

– Берктгар – крепкий орешек, – откликнулась девушка.

– Нам лишь нужно, чтобы он понял всю глубину страданий Бруенора, – сказал Дризт, направляясь к городку.

– Нам лишь нужно, чтобы Берктгар представил, как топор Бруенора вонзится ему между глаз, – пробормотала Кэтти-бри.

Сеттлстоун представлял собой скопление каменных домов, стоявших в скалистой, пронизываемой ветрами доли-

не, с трех сторон защищенной зубчатыми стенами высоких гор, называемых Гребнем Мира. Каменные постройки на фоне отрога громадной горы сотни лет назад были выстроены дварфами, предками Бруенора, и тогда это место называлось Дварфендарроу. Оно служило торговым поселением и было тогда единственным пунктом, где купцы могли поглазеть на диковинки из Мифрилового Зала, поскольку дварфы не желали пускать чужаков в свои тайные рудники.

Даже тот, кто не был знаком с историей, догадался бы, что все здесь возведено бородатым народцем. Только дварфы могли строить из камня такие прочные здания, ведь поселение оставалось необитаемым несколько столетий, и ветры, дувшие с гор, не ослабевали, но все постройки сохранились в целости. Приспосабливая это место для жизни, людям Вулфгара нужно было только укрепить отдельные стены, выгрести тонны камней, в которых были наполовину погребены некоторые дома, да выгнать зверье, облюбовавшее для себя покинутые постройки.

Теперь Дварфендарроу снова было торговым поселением и выглядело примерно так же, как во дни славы Мифрилового Зала, но называлось оно теперь Сеттлстоуном, и жили здесь люди, ставшие посредниками занятых в шахтах дварфов. Соглашение вроде было и разумным, и прибыльным для обеих сторон, но Берктгар, казалось, не признавал, насколько он усложняет положение. Кэтти-бри и Дризт хорошо понимали, что если он не прекратит требовать

Эйджис-фанг, то Бруенор, скорее всего, прикажет варварам убираться с этой земли.

А гордые варвары, конечно, никогда не подчинятся такому приказу. Ведь земля была им подарена, а не отдана во временное пользование.

Так что возможность войны между спустившимся с гор народом Бруенора и варварами не представлялась такой уж невероятной.

А все из-за Эйджис-фанга!

– Вулфгар бы не обрадовался, узнав, что стало камнем преткновения, – заметила Кэтти-бри, когда они подходили к поселку. – Ведь именно он сплотил их. Жаль, что память о нем может снова внести раскол.

Жаль, согласился про себя Дризт. Какая ужасная ирония! Он зашагал более решительно; его задача стала казаться ему еще более значимой. Внезапно Дризт понял, что его ведет в Сеттлстоун нечто большее, чем просто необходимость уладить разногласия между двумя неуступчивыми вождями. Он шел отстаивать честь Вулфгара!

Спустившись в долину, они услышали пение – ритмичное торжественное перечисление свершений легендарного воина. Они прошли по пустынным улочкам, мимо распахнутых дверей домов, которые суровые варвары не считали нужным охранять. Оба знали, откуда доносится пение и где сейчас можно найти всех жителей Сеттлстоуна разом: мужчин, женщин и детей.

Единственным зданием, которое варвары возвели в поселке, было большое строение, способное вместить четыреста жителей и такое же количество гостей. Оно называлось Хенгорот – Медовый Дом. Здесь возносили торжественные молитвы, вспоминали славные дела и устраивали совместные пиры.

Хенгорот еще не был закончен. Нижняя часть его длинных стен возводилась из камня, а верх все еще затягивали оленьи шкуры. Дризту это показалось вещественным олицетворением того, как сильно изменился образ жизни народа Вулфгара. Когда-то они были кочевниками, жили в Долине Ледяного Ветра и следовали за стадами оленей, поэтому их дома были сделаны из кож, чтобы при необходимости племя могло легко собрать их и взять с собой.

Но теперь закаленные северяне осели, их существование больше не зависело от стада. Этот источник был слишком ненадежным, и зачастую из-за оленей и пастбищ разгорались войны между племенами или с населением Десяти Городов, расположенных на трех озерах, где, в отличие от остальной Долины, жили не варвары.

Дризту было приятно видеть, что жизнь северян стала теперь мирной и спокойной, но сердце щемило при виде незавершенных стен Хенгорота, при виде этих шкур, глядя на которые он вспоминал, скольким пришлось варварам пожертвовать ради спокойствия. Они утратили свой привычный уклад жизни, существовавший тысячи лет. Глядя на

незаконченную постройку, бледную тень славных Медовых Домов прошлого, на каменные стены, внутри которых жил теперь этот гордый народ, Дриззт спрашивал себя, действительно ли их нынешняя жизнь была «шагом вперед».

Кэтти-бри также понимала, как много утратили варвары, ведь большую часть своей жизни девушка провела в Долине Ледяного Ветра и слышала бесчисленные рассказы о смелых кочевниках. Придя в Сеттлстоун, они потеряли часть своей свободы и почти совсем лишились корней. Сейчас они стали богаты, намного богаче, чем могли представить себе даже в самых смелых мечтаниях, и жестокие зимы больше не ставили под угрозу их существование. Но что-то нужно было отдать взамен. Например, звезды. Здесь, в горах, они были другими. Они не опускались до самого далекого горизонта, маня душу человека в осыпанные алмазами небеса.

Вздохнув, Кэтти-бри, сама скучавшая по Долине Ледяного Ветра, напомнила себе о нынешних непростых обстоятельствах. Берктгар, конечно, был упрям, но она знала, какое горе причинила ему гибель Вулфгара и как, должно быть, больно ему было оттого, что боевой молот, ставший самым знаменитым оружием в истории его народа, держит под замком дварф.

Неважно, что этот дварф сам же и сковал этот молот; неважно, что человек, совершивший им столько славных подвигов, был ему почти как сын. Кэтти-бри знала, что для Берктгара погибший герой не был сыном Бруенора, он был

Вулфгар, сын Беорнегара из Племени Лося, Вулфгаром из Долины Ледяного Ветра, а не из Мифрилового Зала. Вулфгар, в котором самым блестящим образом воплотилось все то, что ценил и уважал северный народ. Поэтому Кэтти-бри была очень взволнована серьезностью стоявшей перед ними задачи.

По обе стороны от закрытого шкурами входа в Медовый Дом стояли два высоченных широкоплечих стражника. Их бороды и дыхание источали сильный запах густого меда. Они сначала насторожились, но быстро признали посетителей. Один из них ринулся к ближнему краю длинного стола, стоящего посреди зала, и громко объявил о прибытии Дриззта и Кэтти-бри, перечислив их наиболее известные подвиги и предков (по крайней мере девушки, поскольку предками Дриззта вряд ли можно было гордиться).

Дриззт и Кэтти-бри терпеливо ждали у входа со вторым стражником, который, пожалуй, был здоровеннее их обоих, вместе взятых. Друзья не сводили глаз с Берктгара, сидевшего во главе стола. Он тоже, слушая доклад стражника, поглядывал на них.

Кэтти-бри называла его глупцом за препирательство с Бруенором, но все же великан варвар каждый раз поражал и ее, и Дриззта. Он был почти такого же роста, как Вулфгар, целых шесть с половиной футов, с широченными плечами и мускулистыми руками, равными по обхвату бедру упитанного дварфа. Растрепанные темные волосы свисали на плечи;

он уже начал отращивать бороду на зиму, и густая щетина на щеках и шее придавала его облику еще большую дикость и важность. Вождь Сеттлстоуна всегда избирался после состязания в силе, после жестокого боя, как это диктовал обычай кочевых варваров на протяжении всей их истории. Никто в Сеттлстоуне не мог победить Берктгара – Берктгара Смелого, как его называли, – но его слава затмевалась тенью человека, ставшего легендой.

– Прошу вас, присоединяйтесь к нам! – радушно воскликнул Берктгар, но по выражению его лица понятно было, что он их ждал и приход обоих товарищей не удивил его. Вождь по преимуществу смотрел на Дриззта, и Кэтти-бри прочла в его ярких голубых глазах одновременно ярость и беспокойство.

Дриззту и Кэтти-бри предложили скамьи (и этим Кэтти-бри оказали большую честь, поскольку за столом больше не было женщин, кроме тех, что сидели на коленях у мужчин). В Хенгороте, как и во всем варварском обществе, женщины и дети, за исключением взрослых мальчиков, были на положении слуг. Сейчас они суетились, расставляя кубки с медом перед вновь прибывшими.

И Кэтти-бри, и Дриззт смотрели на мед недоверчиво, поскольку обоим нужна была ясная голова. Но Берктгар поднял свой кубок и произнес тост в их честь, обычай же требовал, чтобы и они в ответ поднимали свои. А в Хенгороте не принято было лишь пригубливать!

Оба товарища опустили свои кубки под громогласные приветствия и с отчаянием увидели, что на месте пустых мгновенно появились полные.

Но тут Дриззт неожиданно встал и легко запрыгнул на длинный стол.

– Приветствую вас, жители Сеттлстоуна, люди Берктгара Смелого! – начал он свое обращение, и его голос почти потонул в оглушительном гуле приветственных выкриков в адрес Берктгара, гордости всего племени. Лохматого великана хлопали по спине, но он даже не моргнул и не сводил подозрительного взгляда с темного эльфа.

Кэтти-бри понимала, что происходит. Варвары со временем приняли Дриззта, но неохотно, ведь в их глазах он был всего лишь щуплым эльфом, да еще и темным в придачу! Несоответствие было для них весьма неприятным. Они видели в Дриззте слабое существо – пожалуй, не сильнее женщины своего племени – и при этом знали, что ни один из них не в состоянии одержать над ним верх в битве. И Берктгару было хуже всех, поскольку он догадывался, зачем пришли эти двое, и опасался, что вопрос владения молотом ему придется решать с Дриззтом один на один.

– Мы бесконечно признательны, просто поражены вашим радушием. Ни у кого во всех Королевствах нет более гостеприимного стола.

Снова приветственные возгласы. Дриззт знал, как с ними разговаривать, и не беда, что половина слушателей уже еле

стояла на ногах.

– Но мы не можем задерживаться у вас, – продолжал Дриз-зт, и вдруг его голос зазвучал торжественно. Те, что сидели рядом с дроу, выпрямились, словно внезапно протрезвели, и до них вдруг стал доходить смысл его слов.

Рубин на шее Дриззта поблескивал, и Кэтти-бри поняла, что камень мог соперничать с хорошей чаркой меда, хоть Дриззт и не пользовался им сейчас.

– Над всеми нами навис устрашающий меч войны, – сурово продолжал Дриззт. – Пришло время объедини...

Его речь была прервана Берктгаром, который с размаху грохнул своим кубком по столу, да с такой силой, что тот разлетелся на куски, обдав рядом сидящих густой золотистой жидкостью и осыпав осколками. Не выпуская осколок кубка из кулака, гигант неуверенно вскарабкался на стол и навис над темным эльфом громадой своего могучего тела.

В мгновение ока Хенгорот притих.

– Вы пришли и говорите о единстве, – неторопливо начал вождь варваров. – Вы пришли просить объединения. – Он помолчал и обвел глазами встревоженных присутствующих ради пущего эффекта. – И при этом вы держите под замком оружие, ставшее символом моего народа, оружие, обязанное своей славой Вулфгару, сыну Беорнегара!

Зал взорвался одобрительными воплями, а Кэтти-бри бросила на Дриззта беспомощный взгляд. Она терпеть не могла, когда варвары подчеркивали происхождение Вулфга-

ра, называя его сыном Беорнегара. Для них это было предметом гордости, а для трезвомыслящей девушки гордость сама по себе мало значила.

К тому же никакое перечисление предков не добавило бы блеска тому, что Вулфгар достиг за свою короткую жизнь. Если бы после него остались дети, они могли бы гордиться именно своим отцом.

– Мы – друзья дварфского короля, которому ты служишь, темный эльф, – продолжал Берктгар, и его громовой голос отражался от стен Хенгорота. – И от Бруенора Баттлхаммера, сына Бангора, сына Гарумна, мы ждем того же. Мы будем союзниками, но лишь тогда, когда мне отдадут Эйджис-фанг. Так говорю я – Берктгар! – проорал в заключение вождь варваров.

– Берктгар Смелый! – мгновенно подхватило несколько ближайших к нему людей, затем голоса слились во всеобщий хор славословий, и все кубки поднялись вверх за здоровье вожака Сэттлстоуна.

– Да Бруенор скоро доставит сюда свой топор, – ответил Дризт, которому изрядно надоели восхваления Берктгара. Дроу понял, что их прихода в Сеттлстоуне давно ожидали и что краткая речь Берктгара, как и реакция людей на нее были не только умело рассчитаны, но даже, наверное, отрепетированы. – И боюсь, тебе не придется по нраву то, как он его доставит, – негромко договорил эльф, когда рев голосов смолк.

Все притихли в ожидании, поскольку слова дроу можно было понять как оскорбление. Глаза Берктгара угрожающе сузились, – очевидно, ему как раз хотелось принять вызов.

– Но Бруенора здесь нет, – спокойно произнес вождь варваров. – Его будет представлять Дризт До'Урден?

Дризт расправил плечи, соображая, как лучше выйти из этого положения.

Голова Кэтти-бри тоже лихорадочно работала в поисках выхода. Она почти не сомневалась, что Дризт примет вызов и одержит верх над Берктгаром. И не надо быть пророком, чтобы угадать, как не понравится жителям Сеттлстоуна такое унижение.

– Вулфгар должен был стать моим мужем! – выкрикнула она, вставая с места как раз в тот момент, когда Дризт уже собирался ответить, – А я – дочь Бруенора, принцесса Мифрилового Зала по праву. Если кто-нибудь и будет представлять моего отца здесь...

– ...то ты сама назовешь его, – закончил за нее Берктгар.

– Это буду я, – хмуро договорила Кэтти-бри. Весь Медовый Дом загудел, и несколько женщин в его дальнем конце захихикали.

Дризт опешил и бросил на Кэтти-бри почти молящий взгляд, надеясь, что она все уладит, пока обстоятельства еще не стали сильнее их. Он не хотел никаких столкновений. Кэтти-бри тоже, но зал просто впал в буйство, и половина присутствующих подначивала Берктгара: «Сразись с женщи-

ной!» – словно Кэтти-бри уже бросила вызов.

Когда Берктгар посмотрел на нее, в его глазах пламенела ярость.

Она понимала, в каком он замешательстве. Девушка хотела продолжить и сказать, что если кто и может представлять Бруенора, то лишь его дочь, но она пришла не ради того, чтобы сражаться. Но теперь момент был упущен.

– Никогда! – громовым голосом вскричал Берктгар, перекрывая гомон, и зал немного успокоился, пьяные вопли сменились перешептыванием. – Никогда Берктгар не сражался с женщинами!

Дризт подумал, что великану варвару лучше позабыть о своих принципах, потому что они ему будут здорово мешать, если темные эльфы все же придут в Мифриловый Зал. Женщины-дроу, как правило, лучше владели оружием и магией и были обычно более сильными воинами, чем мужчины.

– Сразись с ней! – выкрикнул кто-то совершенно пьяным голосом и при этом рассмеялся; все остальные тоже захохотали.

Берктгар перевел взгляд с пьяного на Кэтти-бри. Его широченная грудь высоко вздымалась, – очевидно, он глубоко дышал, чтобы умирить свою ярость.

Кэтти-бри поняла, что ему не победить. Если им придется сражаться, он не завоюет победу, даже если одержит над ней верх. Поднявшего меч на женщину сильные мужчины Сеттлстоуна сочтут трусом.

Кэтти-бри забралась на стол и едва заметно кивнула Дризту, проходя мимо него. Уперев руки в бока и покачивая бедрами, она хитро улыбнулась вожаку варваров и сказала:

– Быть может, не с оружием в руках. Женщина и мужчина могут состязаться и кое в чем другом.

Зал просто взорвался при этих словах. Произносились тосты, и кубки сталкивались с кубками с такой силой, что в них почти не оставалось меда, когда их наконец подносили к широко раскрытым ртам. Кто-то на дальнем конце стола затянул непристойную песню, и при каждом куплете мужчины с хохотом хлопали друг друга по спине.

Дризт так широко раскрыл глаза, что они, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Взглянув на него, Кэтти-бри испугалась, что дроу сейчас выхватит оружие и расправится со всеми присутствующими. Ей было приятно в этом убедиться, но в следующий миг она расстроилась, что ее друг мог так плохо подумать о ней.

Развернувшись и спрыгнув со стола, она взглядом попыталась выразить ему свое возмущение. Один из мужчин рядом с ней протянул руки, чтобы поймать ее, но она оттолкнула его и решительно пошла к двери.

– Горячая девчонка! – услышала она за спиной.

– Попотеет Берктгар! – слышался еще один пьяный выкрик.

Все еще сидевший за столом, ошалелый варвар смотрел то на одних, то на других, старательно избегая встречаться

взглядом с темным эльфом. Берктгар был совершенно растерян: дочь Бруенора была известна своей любовью к приключениям, но отнюдь не такого сорта. Но его сжигало любопытство. Любой мужчина в Сеттлстоуне посчитал бы Кэтти-бри, принцессу Мифрилового Зала, желанной наградой.

– Эйджис-фанг будет моим! – наконец выкрикнул он, и в поддержку его слов раздался оглушительный рев голосов.

Обернувшись, варвар с облегчением заметил, что Дриззт больше не смотрит на него, – его вообще не было поблизости. Одним прыжком эльф соскочил со стола и теперь уже торопливо шел к двери.

Отойдя от Хенгорота, неподалеку от чьего-то пустого дома, Дриззт взял Кэтти-бри за локоть и повернул к себе. Она думала, что он накричит на нее, может, даже ударит.

Но он лишь рассмеялся.

– Хитрый ход, – одобрил дроу. – Но ты уверена, что сможешь одержать над ним верх?

– А как ты понял, что я не собираюсь делать то, что сказала? – выпалила Кэтти-бри вместо ответа.

– Потому что для этого ты слишком уважаешь себя, – не колеблясь ответил Дриззт.

Именно это девушка и хотела услышать и потому больше не стала ничего спрашивать.

– Но ты сможешь одержать над ним верх? – повторил дроу озабоченно. Кэтти-бри хорошо дралась и с каждым уроком совершенствовалась все больше, но все же Берктгар – вели-

кан и при этом необыкновенно силен.

— Он пьян, — ответила Кэтти-бри. — К тому же медлителен, как был Вулфгар, пока ты не научил его сражаться лучше. — Ее глаза глубокого синего цвета, как небо перед самым рассветом, блеснули. — Как и меня.

Дризт легонько погладил ее по плечу, понимая, что для нее этот поединок будет столь же важен, как и для Берктгара. Варвар выскочил из здания, а за спиной у него хохотали его собратья.

— Не так трудно будет победить, как позволить ему сохранить лицо, — прошептала девушка.

Дризт снова погладил ее по плечу, отошел, далеко обойдя Берктгара, и вернулся в дом. Кэтти-бри могла постоять за себя, и он должен позволить ей поступать так, как она считала нужным.

Когда дроу вошел в зал, варвары сразу же отпрянули от него, а он демонстративно задернул за собой кожаную завесу у входа, кинув на Кэтти-бри последний взгляд. Она шла вниз по тропинке бок о бок с Берктгаром (со спины он так напоминал великана Вулфгара!).

Дризту было неприятно видеть это.

* * *

— Ты не удивлен? — спросила Кэтти-бри, вынимая из мешка защитный чехол для меча и натягивая его на острейшее

лезвие. При этом у нее появилось какое-то непонятное чувство досады, даже злобы.

– Я ни на секунду не поверил, что ты привела меня сюда ради того, на что намекала, – небрежно ответил Берктгар. – Хотя, если ты....

– Заткнись! – сердито перебила его Кэтти-бри. Берктгар сжал зубы. Он не привык к такому обращению, особенно со стороны женщин.

– Мы в Сеттлстоуне не прячем клинки, когда сражаемся, – с бравадой заявил он.

Кэтти-бри так же тяжело посмотрела на него и сняла чехол с лезвия. Ее вдруг охватил странный восторг. Но, как и секундой раньше, она не поняла, откуда взялось это чувство, поэтому подумала, что, видимо, ее гнев по отношению к варвару был сильнее, чем она признавалась даже самой себе.

Тогда Берктгар ушел к своему дому и вскоре вернулся, самодовольно улыбаясь; за плечами его был меч в ножнах. Девушка увидела над его правым плечом навершие и перекрестье меча, – одно только перекрестье по длине равнялось ее собственному клинку! – а конец ножен едва не касался земли.

Трепеща, пораженная Кэтти-бри мысленно спрашивала себя, во что это она ввязалась, и следила, как Берктгар не торопясь извлекает меч из ножен. Кожаные ножны были надрезаны почти по всей длине, чтобы варвар мог достать невероятной длины клинок.

А он был действительно невероятным! Волнистое лезвие длиной не менее четырех футов, потом восьмидюймовое рикассо между перекрестьем и вторым клинком, поменьше, из обоюдоострой стали.

Мышцы на руке Берктгара напряглись, как стальные тросы, пока он играючи вращал клинок над головой, со свистом рассекая воздух. Потом он воткнул его острием в землю и оперся рукой на перекрестье, которое приходилось шести с половиной футовому великану по плечо.

– Ты собираешься этой штукой драться или резать откормленных коров? – спросила Кэтти-бри, пытаясь хоть как-то сбить спесь с варвара.

– У тебя пока еще есть возможность выбрать другое состязание, – спокойно ответил Берктгар.

Кэтти-бри подняла меч, а сама чуть присела, приготовившись защищаться.

Берктгар гикнул и принял такую же позу, но сразу же выпрямился с растерянным видом.

– Не могу я, – сказал он. – Если я тебя даже слегка задену, сердце короля Бруенора разорвется, а уж твой-то череп точно расколется надвое.

Девушка вдруг сделала быстрый выпад и вспорола меховую куртку на его плече.

Он взглянул на порез, потом медленно перевел взгляд на Кэтти-бри, но не сделал ни малейшего движения.

– Ты просто боишься, потому что знаешь, что не сможешь

быстро управляться с этой штукой для забоя коров, – поддела его девушка.

Берктгар закатил глаза, старательно показывая, как ему осточертела эта затея.

– Я покажу тебе каминную полку, на которой лежит Баккенфуэре, – сказал он. – А потом мы ляжем у камина...

– Эта штуковина больше подходит для камина, чем для рукопашной! – огрызнулась она. Его скользкие намеки ее уже утомили. Она рванулась вперед и ударила Берктгара плашмя по щеке, а потом отскочила, тяжело дыша. – Если боишься, так хотя бы признайся!

Берктгар коснулся раны, и его пальцы окрасились кровью. Кэтти-бри вздрогнула – она не хотела ранить его.

Вмешательство Хазид'хи было таким неприметным.

– Мое терпение кончилось, глупая ты женщина! – взревел варвар, и острое Баккенфуэре Северной Ярости взметнулось.

Берктгар, рыча, бросился вперед, ухватившись за эфес обеими руками и размахивая оружием перед собой. Он напал, стараясь нанести удар плашмя, как и Кэтти-бри, но девушка поняла, что разница вряд ли будет существенной. Любой удар этого чудовищного клинка раздробит ее кости в кашу!

Когда меч Берктгара взмыл в воздух, Кэтти-бри уже отскочила подальше, все еще спрашивая себя, в своем ли она уме. Гигантское лезвие описало дугу слева направо, потом в

обратную сторону и книзу. Берктгар повернул оружие быстрее, чем ожидала Кэтти-бри. Лезвие снова пронеслось горизонтально, слева направо, а потом Берктгар взял его на изготовку, держа у могучего плеча.

Представление оказалось красноречивым, и девушка пристально следила за движениями варвара. Теперь она позабыла про свой трепет и заметила несколько промашек в его тактике.

Она понимала, что ей надо будет быть необычайно точной. Малейшая ошибка – и Баккенфуэре изрубит ее на куски.

Берктгар наступал, меч свистел параллельно земле, но это было вполне предсказуемым, потому что существует не так уж много приемов, которые такое массивное оружие позволяет провести. Кэтти-бри отступила на шаг, потом еще на шаг на всякий случай, потом метнулась вперед как раз тогда, когда лезвие просвистело мимо, надеясь ранить варвара в руку. Но Берктгар оказался более проворным, он развернул меч так быстро, что девушка едва избежала удара, и ей пришлось немедленно отступить.

Но все же она подумала, что не без пользы предприняла такую уловку, – теперь она могла точнее рассчитывать атаки. К тому же, заметив капли пота на лбу пьяного варвара и то, что дышит он все тяжелее, она поняла, что с каждой секундой ее шансы увеличиваются.

– Если и все остальное ты делаешь так же, как дерешься,

тогда хорошо, что я выбрала это состязание, а не другое, – поддразнила Кэтти-бри, и честолюбивый варвар снова бросился в атаку.

Кэтти-бри уклонялась и увиливала от размашистых, но совершенно бесполезных взмахов оружием. Когда меч снова пронесся мимо нее и очевидно было, что варвар еще не излил свою ярость, девушка прыгнула вперед. Меч развернулся, Берктгар подался вперед, Кэтти-бри отклонилась далеко в сторону, и острое пронеслось у самого ее лица.

– Я тебя вот-вот достану! – заверил ее Берктгар, становясь с девушкой лицом к лицу, снова размахивая мечом перед собой и подняв его к правому плечу.

Кэтти-бри сделала выпад, как только лезвие промелькнуло мимо нее, шагнув вперед правой ногой, чтобы дотянуться мечом до незащищенного бедра Берктгара. Но левой ногой она крепко уперлась и не стала доводить движение до конца. Как только Баккенфуэре пронесся, чтобы отразить удар, Кэтти-бри отскочила назад, крутанулась на левой ноге, клинок миновал ее, и она ранила варвара в правое бедро.

Он взревел и так резко развернулся, что чуть не упал.

Кэтти-бри, пригнувшись, стояла в нескольких шагах от него. Ясно было, что взмахи тяжеленным оружием уже сказываются на вожде варваров, особенно после обильных медовых возлияний.

– Еще немного, – прошептала девушка, стараясь быть терпеливой.

Она продолжала свою игру, и дыхание Берктгара становилось все более тяжелым и шумным.

Каждый раз, нападая, Кэтти-бри оттачивала способ вести бой с этим великаном, несмотря на то что громадное оружие Берктгара и его мощные руки почти полностью заслоняли его от нее.

* * *

Дризт мучился целых полчаса, выслушивая не совсем пристойные замечания.

– Никогда еще он так долго не возился! – заявил один варвар.

– Он *браузен*, наш Берктгар! – выкрикнул другой, что значило «выносливый».

– *Браузен!* – подхватили его буйные соплеменники, чокаясь кубками. Некоторые из женщин в дальнем конце захихикали, но у остальных были невеселые лица.

– *Браузен*, – шепнул Дризт себе под нос, решив, что именно так можно назвать его за терпение, с которым он переживал эти невыносимо долгие минуты. Хотя его и злили грязные шуточки насчет Кэтти-бри, он больше боялся, что Берктгар может ранить ее, может даже одержать победу, а потом взять над ней верх уже иначе.

Дризт старался не давать воли своему воображению. Потому что, несмотря на свое хвастовство, несмотря на хва-

ство его людей, Берктгар был все же человеком чести. Но ведь он пьян...

«Я его убью», – решил дроу, и, если бы то, чего он так боялся, случилось, он действительно безжалостно расправился бы с варваром.

Но до этого не дошло. Вскоре Кэтти-бри и Берктгар показались в зале, оба довольно взъерошенные. Ключковатая борода варвара в одном месте была заляпана запекшейся кровью, но в целом он выглядел неплохо.

Проходя мимо дроу, Кэтти-бри слегка подмигнула.

Весь Хенгорот затих, совершенно очевидно, что пьяные варвары ожидали скабрзные подробности подвигов своего вожака.

Берктгар взглянул на Кэтти-бри, но та и бровью не повела. – Я отказался от Эйджис-фанга, – объявил вождь.

Зал разразился стонами, гиканьем и рассуждением о том, кто же «победил».

Берктгар вспыхнул, и Дризт испугался, что сейчас будет. Кэтти-бри вскочила на стол.

– В Сэттлстоуне нет мужчины лучше! – заявила она.

Несколько варваров бросились к столу, готовые принять вызов и доказать обратное.

– Нет мужчины лучше! – рявкнула девушка, и они отшатнулись, пораженные ее яростью.

– Чтя Вулфгара, я отказываюсь от Эйджис-фанга, – пояснил Берктгар. – А также чтя Кэтти-бри.

Остальные непонимающе уставились на него.

– Если я правильно понял дочь короля Бруенора, нашего друга и союзника, – продолжал Берктгар, и Дризт невольно улыбнулся при этих словах, – то мое собственное оружие, Баккенфуэре, должно стать легендой! – Он высоко поднял свой огромный меч, и толпа зашлась в ликовании.

Дело закончено, союз заключен, и прежде, чем Кэтти-бри спустилась со стола, направляясь к Дризту, было уже выпито немало меда. Проходя мимо вождя варваров, она приостановилась и бросила на него лукавый взгляд.

– Если ты солжешь... – тихонько прошептала она, убедившись, что их никто не слышит, – если ты солжешь или хотя бы только намекнешь, что переспал со мной, знай, что я вернусь и разобью тебя наголову на глазах всего народа.

Берктгар вроде как протрезвел при этих словах. А глядя на удалявшуюся Кэтти-бри и ее опасного друга, непринужденно стоявшего положив ладони на эфесы сабель, варвар протрезвел окончательно. Берктгар вовсе не хотел больше связываться с Кэтти-бри, но он предпочел бы сто раз сразиться с ней, чем один раз – с дроу.

– Ты пообещала вернуться и разбить его наголову? – когда они уже покидали поселок, переспросил девушку Дризт, от чьего острого слуха не укрылись ее прощальные слова.

– Да, но мне бы не хотелось выполнять это обещание, – ответила Кэтти-бри, тряхнув головой. – Если бы он так не набрался меда, поединок с ним был бы все равно что про-

гулка в логово медведя-шатуна.

Дризт круто остановился, и Кэтти-бри, пройдя еще пару шагов, повернулась и поглядела на него. Он смотрел на нее и широко улыбался.

– А со мной такое однажды случилось! – сказал он, и на обратном пути в горы (вскоре к ним присоединилась и Гвенвивар) Дризту было что рассказать.

Позже, когда на небе ярко сияли звезды и горел костер, Дризт смотрел на лежащую Кэтти-бри и слушал ее сонное дыхание.

– Знаешь, я люблю ее, – сказал дроу Гвенвивар. Пантера моргнула своими светящимися зелеными глазами, но не шевельнулась.

– Но разве я могу? – спросил Дризт. – И дело не в памяти Вулфгара, – поспешно добавил он, подумав при этом, что его друг вряд ли был бы против. – Разве я могу? – чуть слышно повторил он.

Гвенвивар протяжно и негромко заворчала, но, если она и хотела дать понять своему хозяину что-то, кроме того, что она все понимает, Дризт этого не разобрал.

– Она ведь не проживет столько, – тихо продолжал Дризт. – Когда ее не станет, я все еще буду молод. – Дроу перевел взгляд с Гвенвивар на девушку, и его поразила новая мысль. – Ты же хорошо должна это понимать, мой бессмертный друг, – сказал он. – На каком витке твоей жизни умру я? Сколько еще хранит твоя память, как будет хранить и

меня, моя Гвенвивар? А сколько их еще будет?

Дризт прислонился спиной к камню и посмотрел на Кэтти-бри, а потом поднял взор к небу. Его размышления были печальны, но они же несли покой, как извечное коловращение времен, как чувства, пережитые сообща, как память о Вулфгаре. Дризт унесся мысленно в небо, туда, где раскинулось звездное покрывало и где его невеселые думы развеял неутомимый ветер.

Во сне он видел друзей, своего отца Закнафейна, свирфа Белвара, капитана Дюдермонта, чудесный корабль «Морская фея», Региса и Бруенора, Вулфгара – и Кэтти-бри.

Никогда еще сны Дризта До'Урдена не были спокойнее и приятнее.

Гвенвивар некоторое время смотрела на дроу, потом положила громадную голову на лапы и закрыла зеленые глаза. Дризт был прав во всем, кроме того, что воспоминания о нем поблекнут в грядущих столетиях. За прошедшее тысячелетие у Гвенвивар и правда сменилось множество хозяев, большинство из них были добры, некоторые порочны, если не сказать больше. Кого-то пантера помнила, кого-то – нет, но Дризт...

Темного эльфа, отрекшегося от своего народа, пантера будет помнить всегда, потому что он обладал твердым и добрым сердцем и преданность его была столь же нерушима, как и преданность Гвенвивар.

Часть II

Наступление Хаоса

Долго еще потом барды всех Королевств называли это время Смутным, временем, когда боги были изгнаны с небес, а их воплощения жили среди смертных. Время, когда были похищены Скрижали Судьбы и Ао, Владыка Богов, разгневался, когда волшебство стало непредсказуемым и когда, как следствие, разрушились все общественные и религиозные построения, часто держащиеся на магии.

От фанатичных жрецов я слышал много рассказов об их встречах с воплощениями богов, полубезумные истории разных людей, уверявших, что своими глазами лицезрели бессмертных. В это Смутное Время многие обратились к религии, утверждая, что обрели свет и истину, сколь бы извращенными они ни были.

Я не оспариваю их притязаний и не стану говорить, что встречи с божеством – выдумка. Я только рад за тех, кто посреди всеобщего хаоса нашел какую-то опору, стал богаче внутренне; всегда радостно за человека, обретшего духовное руководство.

Но как же вера?

Как же преданность и верность? Полное доверие? Вера не нуждается в вещественных подтверждениях. Она исходит из души, из глубины

сердца. Когда доказательство существования бога становится необходимым, то духовное низводится до чувственного, а то, что должно быть свято, становится всего лишь логичным.

Я прикасался к редкому, бесценному зверю – единорогу, символу богини Миликки, царящей в моей душе и в моем сердце. Это случилось еще до наступления Смутного Времени, но все же, будь я таким же, как те, кто утверждает, что видели живого бога, я мог бы заявить то же самое. Я мог бы сказать, что прикасался к Миликки, что она явилась мне на той чудесной просеке в горах неподалеку от Перевала Мертвого Орка.

Конечно, единорог не был Миликки в прямом смысле, но все же это была она, так же как она являет себя в восходе солнца и смене времен года, в птицах и белках, в могучем дереве, что видело расцвет и закат веков. Как и в листьях, гонимых осенним ветром, в снеге, что толстым одеялом лежит в глубоких холодных горных долинах. Как и в аромате ясной ночи, в блеске усыпанного звездами небосвода, в далеком вое одинокого волка.

Нет, я не стану возражать тем, кто говорит, что видел воплощение божества, потому что такой человек все равно не поймет меня: присутствие бога среди нас умаляет цель и ценность веры. Ведь если бы истинные боги были так доступны и материальны, то мы перестали бы быть свободными существами, идущими по жизненному пути в поисках истины, и превратились бы в стадо овец, бездумных, без крупинки веры, которым нужен кнут пастуха и лай

собак.

Тем не менее духовное руководство существует, но не в такой грубой форме. Оно проявляется в том, что мы считаем правильным и благим. Мы понимаем цену наших собственных поступков, когда отвечаем на действия других, но, если нам требуется бог живой, неоспоримое свидетельство существования божества, мы достойны сожаления.

Смутное Время? Да. И оно становится еще более смутным оттого, что мы готовы безоглядно верить проповедям разных богочеловеков, тогда как истина одна по определению и не может проявляться в таком множестве различных и порой противоречивых явлений и мнений.

Тот единорог не был Миликки, и все же он был ею, и я прикоснулся к богине. Но не к ее земной форме, не к единорогу, я прикоснулся к ней тем, что понял свое место в мире. Миликки есть мое сердце, и я следую ее велениям. Но если бы я основывался лишь на велениях моей совести, мои действия были бы такими же. Я повинуюсь Миликки, потому что она – то, что я называю истиной.

Именно таково большинство последователей разных богов, и если бы мы повнимательнее изучили Пантеон, то убедились бы, что веления «добрых» богов, в сущности, почти не отличаются друг от друга; разница лишь в том, как люди истолковывают их.

Что же касается других божеств, владык Раздора и Хаоса, таких как Ллос, Паучья Королева, владеющая сердцами жриц Мензоберранзана...

О них даже говорить не стоит. В них нет истины, и любая религия, основанная на принципах жестокости и стремления к власти, только способ жить в свое удовольствие и ничего общего с духовностью не имеет. По меркам мира, жрицы Паучьей Королевы могущественны, но духовно они пусты. Поэтому в их жизни нет места радости и любви.

И не говорите мне о «живых богах». Не надо приводить мне доказательств того, что ваш бог – истинный. Я предоставляю вам верить так, как вы верите, не подвергая вашу веру ни сомнениям, ни осуждению. Но если вы не дадите мне верить тому, что лежит в глубине моего сердца, то я отвергну все «ощутимые» доказательства, потому что для меня они ненадежны.
– Дриззт До'Урден

Глава 6

Магия Выходит Из Повиновения

Оба меча Бергиньона Бэнра, оружейника Первого Дома Мензоберранзана, мелькали с головокружительной быстротой, клинки описывали в воздухе круги между ним и его противником, послушавшимся рядовым.

Их полукругом обступила домовая стража Бэнр, состоявшая из первоклассных бойцов, в основном мужчин, а другие темные эльфы наблюдали за ходом схватки с высоты, сидя на

гигантских подземных ящерах с липкими лапами, без труда прилепившихся к почти отвесным поверхностям ближайших сталактитов и сталагмитов.

Каждый раз, когда Бергиньон наносил неглубокое ранение или отражал ловкий удар, солдаты подбадривали его криками. Он прекрасно владел мечом (хотя многие считали, что с братом Дантрагом ему не сравниться), но крики эти все же были довольно вялыми.

Бергиньон и сам это заметил, и знал, в чем причина. Он много лет был командиром всадников Дома Бэнр, элитного отряда мужской дворцовой стражи. Теперь, когда Дантраг был убит, он стал еще и оружейником. Он уже ощутил тяжесть двойных обязанностей, чувствовал, как внимательно следит мать за каждым его шагом и принятым решением. Вот он и старался показать свою занятость. Сколько же схваток он провел, скольким наказаниям подверг своих подчиненных со времени смерти Дантрага?

Противник сделал слабый выпад, но Бергиньон был так рассеян, что чуть не пропустил его. Он вскинул меч и отвел клинок противника уже в последний момент.

Бергиньон услышал, как позади, заметив его ошибку, при молкли, и понял, что некоторые солдаты за его спиной надеялись, что в следующий раз его соперник окажется более быстрым.

Оружейник глухо зарычал и бросился вперед, словно подпитываясь ненавистью окружающих, тех, кто вынужден был

ему подчиняться. Пусть ненавидят, решил он. Но при этом пусть уважают. Нет, не уважают – они должны его бояться!

Он сделал один шаг вперед, потом второй, попеременно рубя мечами налево и направо, но каждый удар был отражен. Условия, казалось, сравнялись. Бергиньон делал два шага вперед, потом отступал. Но в следующий раз он не отступил. Он продвинулся вперед еще на два шага, клинки лязгнули...

Теперь другой дроу вынужден был защищаться, и Бэнр продолжал его теснить. Солдат был достаточно умен и успешно отражал предсказуемые выпады, однако не смог должным образом отступить, и Бергиньон взял его в захват, сцепив свои клинки с его до самых эфесов.

Особенной опасности это не представляло, скорее просто стало бы передышкой в схватке, но Бергиньон вдруг заметил нечто, на что его соперник не обратил внимания. Рыча, молодой Бэнр с силой отбросил противника от себя. Потерявший равновесие дроу попятился и немедленно вскинул мечи, готовый сразу же отразить дальнейшее нападение.

Бэнр, однако, нападать не стал, похоже, он просто выпустил его из захвата.

А в следующее мгновение пятящийся дроу наткнулся на ограду дворца Бэнр.

Пожалуй, во всем Мензоберранзане не было ничего более удивительного, чем двадцатифутовая ограда в виде паутины, окружавшая Дом Бэнр и державшаяся на сталактитах, свисавших над всей территорией дворца. Красиво блестя-

шие серебристые канаты, толщиной с ногу взрослого темного эльфа, были сплетены в затейливые симметричные узоры, ничуть не уступавшие сети настоящего паука. Проникнуть сквозь нее было невозможно – ни при помощи оружия, ни волшебством. Единственная вещь, посредством которой можно было перенестись через ограду, хранилась у Матери Бэнр. Зато при малейшем прикосновении к канатам даже необыкновенный силач не смог бы потом отлепиться от ограды.

Противник же Бергиньона налетел на ограду всей спиной. Когда он понял, чего добивался молодой Бэнр, когда увидел, как озарились лица собравшихся, одобрявших хитрый ход, его глаза широко раскрылись, между тем как Бергиньон спокойно приближался к нему с коварной ухмылкой.

Дроу оторвался от забора и бросился навстречу оружейнику.

Они сошлись в жесткой схватке, причем ошеломленный Бергиньон больше защищался. Но долгие годы усиленной подготовки не прошли для оружейника даром, и он, несмотря на то что совершенно опешил, все же смог уравнивать позиции.

Как можно было судить по перешептыванию окружающих, все собравшиеся тоже были потрясены.

– Ты же коснулся ограды! – воскликнул Бергиньон.

Солдат промолчал. Он тоже опустил острия клинков, как и Бергиньон, и оглянулся через плечо, чтобы удостовериться

в том, чего на самом деле быть не могло.

– Ты ударился об ограду, – снова сказал Бергиньон недоверчиво.

– Всей спиной, – подтвердил солдат, повернувшись к нему.

Бергиньон немедленно вложил мечи в ножны, промчался мимо солдата и остановился перед самой волшебной преградой. Его соперник и все остальные последовали за ним; они были настолько удивлены, что никто не думал о продолжении схватки.

Бергиньон сделал знак солдату-женщине, стоявшей рядом с ним, и попросил:

– Дотронься-ка мечом.

Женщина извлекла из ножен меч и положила его на одну из струн. Она обвела взглядом Бергиньона и остальных, а потом без всяких усилий подняла клинок.

Еще один дроу осмелился коснуться ограды рукой. Окружающие смотрели на него широко раскрытыми глазами, считая его отчаянным смельчаком, но он совершенно спокойно убрал руку с каната.

Бергиньоном овладел панический страх. Говорили, что ограда была подарена Дому Бэнр самой Ллос тысячелетия назад. Если она больше не действует, это вполне может означать, что Дом утратил расположение Паучьей Королевы. И Ллос отвернулась от них, потворствуя заговору низших Домов.

– Все на посты! – рявкнул Бэнр. Повторять дважды темным эльфам, вполне понимавшим и разделявшим страхи своего командира, не пришлось.

Бергиньон направился к главной башне дворца, чтобы разыскать мать. При этом он едва не столкнулся с дроу, с которым только что сражался, и в глазах рядового мгновенно появился страх. Обычно в таких случаях Бергиньон, обладавший благородством лишь в той мере, в какой этого требовали невысокие стандарты дроу, выхватывал меч и погружал его в тело противника, таким образом подводя итог схватке. Растерявшись после происшествия у ограды, рядовой замешкался и вовремя не скрылся из глаз. Он не сомневался, что сейчас его ждет неминуемая смерть.

– Быстро на свой пост, – приказал вместо этого командир. Молодой Бэнр понимал, что в случае, если его опасения оправдаются и против Дома Бэнр действительно составил заговор, а Ллос отвернулась от них, им понадобится каждый из двух с половиной тысяч человек стражи.

* * *

Король Бруенор Баттлхаммер все утро провел в верхней часовне Мифрилового Зала, стараясь выбрать нового верховного священника. Раньше это место занимал его дорогой друг Коббл, дварф, обладавший большой магической силой и глубокой мудростью.

Однако мудрость не спасла беднягу Коббла от заклинаний дроу, и его погребла под собой цельная металлическая плита.

После него в Мифриловом Зале оставалось свыше десятка священнослужителей. Сейчас они выстроились в два ряда по обе стороны от трона Бруенора. Каждый горел желанием произвести впечатление на короля, в том числе и жрица Стампет Рэйкингклау.

Бруенор сделал знак дварфу, стоявшему первым слева. При этом он поднес к губам кружку меда, изготовленного этим священником. Бруенор пригубил, потом осушил одним махом весь сосуд с живительным напитком, а жрец выступил вперед.

– Свет в честь короля Бруенора! – завопил претендент, замахал руками и начал гимн Моррадину, богу дварфов.

– Ясный чистый вкус, с небольшой примесью горечи, – одобрил Бруенор, проведя пальцем по влажному краешку кружки и слизнув последнюю каплю. – Насыщенный букет, прямо в нос шибает, – добавил он. – Семь.

Одиннадцать остальных претендентов издали дружный стон. По десятибалльной шкале «семерка» была наивысшей отметкой, которой Бруенор до сих пор удостоил уже испробованные образцы «святой воды».

Если Джерболла, который сейчас, как безумный, выкрикивал заклинания, выкажет не менее выдающиеся способности к магии, его будет трудно обойти на пути к вожаденно-

му посту.

– И да будет свет, – вскричал Джерболла, дойдя до самого важного места заклинания, – красным!

Раздался такой оглушительный хлопок, словно сотня дварфов одновременно выдернули пробки из бутылок. И – ничего!

– Красным! – вопил Джерболла.

– В чем дело? – спросил Бруенор, который, как и все остальные, не видел никаких изменений в освещении часовни.

– Красным! – еще раз самозабвенно прокричал Джерболла и обернулся. Тогда все поняли, в чем дело. Глаза Джерболлы светились красным – он в буквальном смысле смотрел на мир сквозь розовые очки.

Расстроенный Бруенор уронил голову на руки и застонал.

– А ведь какую отличную святую воду делает, – печально заметил он под довольные смешки окружающих.

Бедняга Джерболла, уверенный, что заклинание сработало наилучшим образом, так и не понял, почему все смеются.

Пользуясь благоприятным моментом, Стампет выскочила вперед. Она протянула Бруенору свою кружку, а сама встала перед троном.

– Я готовилась показать кое-что другое, – поспешно объявила она, пока Бруенор пробовал ее напиток (при этом его лицо просветлело, и он поставил ей «девятку»). – Но священнослужитель Моррадина и Клаштедона, который умеет

сражаться как никто другой, должен быть готов к неожиданностям!

– Говори же, Стампет Коротышка! – гаркнул один из дварфов, и все разразились хохотом, даже Бруенор улыбнулся.

Стампет, настолько привыкшая к своему прозвищу, что воспринимала его почти что как знак отличия, ничуть не обиделась.

– Джерболла хотел вызвать красный свет, – крикнула она. – Так пусть же он и будет красным!

– Он и так красный, – возразил Джерболла и в награду за тугодумие получил подзатыльник от стоявшего сзади дварфа.

Войдя в раж, молодая Стампет взъерошила еще короткую рыжую бородку и начала совершать такие неистовые телодвижения, что больше было похоже, будто она бьется в конвульсиях.

– Двигай, Коротышка! – шепнул дварф у трона, вызвав новый взрыв хохота.

В ответ на это Бруенор поднял кружку и постучал по ней пальцем, напомнив остряку:

– Девять.

Шансы Стампет были выше всех: если она выполнит закливание, которое провалил Джерболла, вряд ли кто-то сможет ее победить, а это значит, что этот самый остряк окажется у нее в подчинении.

Шутник тоже получил свой подзатыльник от стоявшего

позади соседа.

— Красный! — что было мочи заорала Коротышка. Но ничего не произошло.

Послышались смешки, но вообще-то все dwarфы были весьма озадачены. Стампет действительно считалась сильной волшебницей и, несомненно, могла залить помещение светом любого оттенка. У всех (кроме Джерболлы, который так и не понял, в чем дело) создалось впечатление, что творится что-то неладное.

Смущенная и растерянная, Стампет обернулась к трону. Она хотела извиниться, но едва открыла рот, как мощнейший взрыв потряс зал, так что ее и еще нескольких dwarфов сбilo с ног.

Она откатилась в сторону и повернулась, глядя в пустой конец зала. Из пустоты появилось облако синих искр, зависло в воздухе, а потом двинулось к пораженному Бруенору. Король пригнулся и заслонился рукой, отчего кружка в его руке, соприкоснувшись с искрами, разлетелась на мелкие осколки. От столкновения шар взорвался, и dwarфы разбежались в поисках укрытия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.